

УДК 903.02(571.1/5)«634»

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.3>

Неолит Прибайкалья: история одной дискуссии*

И. М. Бердников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Предпринята попытка разобраться в нюансах дискуссии о возрасте и роли китойской культуры в неолите Прибайкалья, выяснить причины ее возникновения и авторские мотивы. «Китойская проблема» рассмотрена через призму двух основных взглядов – А. П. Окладникова и М. М. Герасимова. Их схемы резко отличались, несмотря на то, что в их основе лежало ошибочное мнение о существовании на территории Прибайкалья единой автохтонной неолитической общности, которая последовательно развивалась на протяжении нескольких тысячелетий. А. П. Окладников относил китойские погребения к позднему неолиту, М. М. Герасимов – к раннему. Убедительно обосновать ранний их возраст и доказать правоту М. М. Герасимова удалось только после получения в середине 1980-х гг. серии радиоуглеродных дат, которые с некоторыми уточнениями подтверждаются современными данными.

Ключевые слова: Прибайкалье, неолит, погребальные комплексы, китойская культура, радиоуглеродное датирование.

Для цитирования: Бердников И. М. Неолит Прибайкалья: история одной дискуссии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 3–45. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.3>

*К 110-летию со дня рождения
Алексея Павловича Окладникова*

Введение

Совсем скоро, в 2020 г., можно будет отметить знаменательную дату: 140 лет исполнится со дня открытия первого неолитического могильника на территории России. Материалы Китойского могильника, изученного в 1880–1881 гг. польским ссыльным и впоследствии видным деятелем Восточно-Сибирского отдела Русского императорского географического общества (ВСОИРГО) Н. И. Витковским (рис. 1) [1881; 1882], вызвали необычайный интерес не только в России, но и за ее пределами, который в свою очередь послужил мощным толчком к развитию сибирского неолитоведения. Со временем количество погребальных комплексов, аналогичных захоронениям этого могильника, значительно увеличилось, а уникальная культура неолитических охотников-собирателей, к которой они принадлежали, была названа китойской. В жизни китойцев, большая часть захоронений которых сосредоточена в устьях саянских притоков р. Ангары, значительную роль играло рыболовство. Они первыми в Северной Евразии стали обрабатывать

* Исследование выполнено в рамках госзадания № 33.2057.2017/4.6 Минобрнауки РФ.

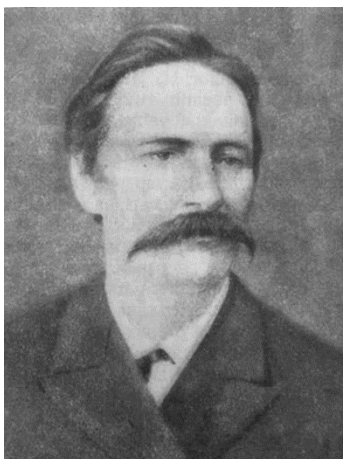

Рис. 1. Николай
Иванович Витковский
(1844–1892)

нефрит, из которого изготавливали преимущественно орудия и в редких случаях украшения, а в погребальном обряде использовали ритуал посыпания тела умершего так называемой охрой – порошком красного цвета, получаемым из отдельностей гематитовых пород. Погребальный инвентарь китойских комплексов представлен различными категориями каменных и костяных изделий, включая тесла, ножи, острия, наконечники стрел и гарпунов, составные рыболовные крючки, а также разнообразные предметы искусства (рис. 2).

Перманентное пополнение источниковой базы, которое до определенной поры, по понятным причинам, не могло быть подкреплено абсолютными датами, способствовало развитию дискуссии о месте китойской культуры

в древней истории Прибайкалья. Н. И. Витковский не сомневался в том, что Китойский могильник был оставлен людьми каменного века, однако позднее стали появляться другие мнения относительно датировки его комплексов и подобных им захоронений, обнаруженных впоследствии в Приангарье. На протяжении долгого времени, вплоть до получения внушительной серии радиоуглеродных дат в конце 1970 – середине 1980-х гг., хронологическая позиция китойских погребений, изначально воспринимавшаяся как поздне-неолитическая, служила предметом обсуждений, а концепция развития неолита в Прибайкалье претерпевала изменения.

Тема, предложенная в настоящей статье, задумывалась к публикации еще в 2017 г., к юбилею выдающегося антрополога и археолога М. М. Герасимова, однако напечатать ее не удалось. В нынешнем году мы отмечаем еще одно событие – 110 лет со дня рождения А. П. Окладникова, знаменитого исследователя древних культур Северной Евразии, которому М. М. Герасимов оппонировал по вопросам хронологии прибайкальского неолита, поэтому логично, если статья будет опубликована именно сейчас. В ней принята попытка разобраться в нюансах дискуссии о возрасте и роли китойской культуры в неолите Прибайкалья, выяснить причины ее возникновения и авторские мотивы, собрав воедино и упорядочив максимальное число разрозненных сведений. В отличие от многочисленных историографических обзоров [см. напр.: Савельев, 1989; Гришин, 2000; Асеев, 2002; Зубков, 2006; Ивашина, 2006], которые традиционно строились на основе хронологического порядка оцениваемых исследований, эти события в настоящей работе рассмотрены через призму двух основных взглядов на прибайкальский неолит – А. П. Окладникова и М. М. Герасимова – с максимально возможной в данном случае объективностью.

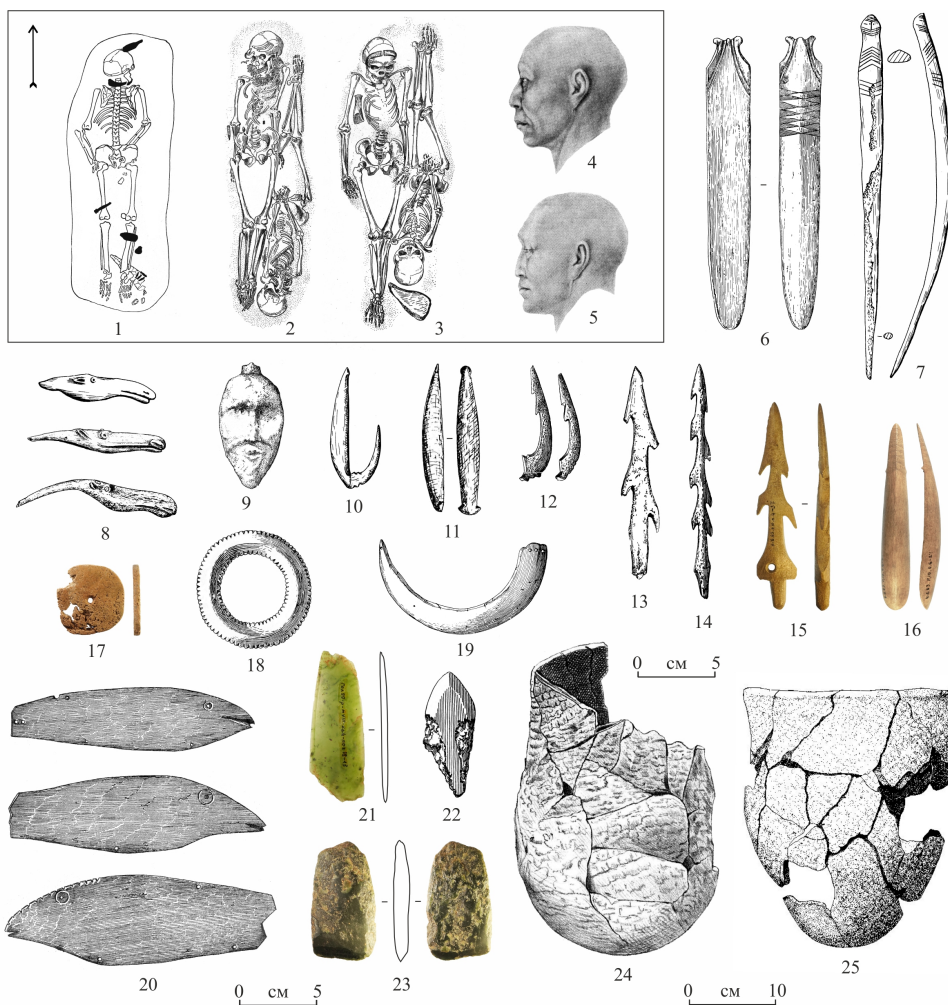

Рис. 2. Китойская культура:

1–3 – погребения, Ярки, Циклодром; 4, 5 – графические реконструкции лиц по черепам, Локомотив [Окладников, 1974, табл. 66, 1; Герасимов, 1955, рис. 160–162]; 6 – кинжаловидное костяное орудие, Китойский могильник [Окладников, 1950, рис. 120]; 7 – костяное острие с орнаментом, Усть-Белая [Георгиевская, 1989, рис. LVIII, 7]; 8–9 – скульптурные изображения, Усть-Белая, Локомотив, Шаманка II, Распутино [Георгиевская, 1989, рис. LVIII, 1; Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016, рис. 4, 4; Ранненеолитический комплекс ..., рис. 8, 1; Окладников, 1950, рис. 122]; 10–15 – орудия рыболовства (наконечники гарпунов, составные крючки), Усть-Белая, Шаманский Мыс, Китойский могильник [Георгиевская, 1989, рис. XLVII, 2; рис. XLV, 15; Конопацкий, 1982, табл. XXXVI; Окладников 1974: 196, табл. 53]; 16 – костяная ложка, Усть-Белая [Георгиевская, 1989, рис. LVIII, 6]; 17 – костяной диск, Галашиха; 18 – мраморное кольцо, Циклодром [Окладников, 1950, рис. 122]; 19 – украшение из клыка кабана, Ярки [Окладников, 1974, табл. 68, 1]; 20 – «рыбки-приманки», Циклодром [Окладников 1950, рис. 124]; 21, 23 – нож и топор из нефрита, Галашиха; 22 – нож из нефрита, Китойский могильник [Окладников, 1950, рис. 123]; 24–25 – керамические сосуды, Локомотив, Китойский могильник [Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016, рис. 4, 10; Витковский, 1882, табл. 1, 1]. Фотографии изделий под № 15, 16, 17, 21, 23 публикуются впервые (некоторые из них ранее были представлены в виде рисунков)

Истоки дискуссии

В 1880 г. Н. И. Витковский, приступая по поручению ВСОИРГО к раскопкам могильника, обнаруженного им неподалеку от устья р. Китой, левого притока р. Ангары, имел уже конкретное задание. Правитель дел Восточно-Сибирского отдела Н. Н. Агапитов высказался по этому поводу однозначно: «Раскопка упомянутых курганов¹ весьма желательна, особенно ввиду нахождения в них каменных орудий; если бы эти орудия были найдены в достаточном количестве, то они могли бы служить опровержением мнения некоторых антропологов, утверждающих, что Сибирь не имела каменного периода и что находимые в ней каменные орудия – случайные находки» [Витковский, 1881, с. 1]. Материалы 12 захоронений Китойского могильника, полученные уже в первый год раскопок, дали основания Н. И. Витковскому утверждать, что их действительно следует датировать каменным веком. Главный вывод к краткому отчету, опубликованному в «Известиях ВСОИРГО», звучал обнадеживающе: «Найденные остатки принадлежат человеку, жившему в ту эпоху, когда употребление металлов было ему еще не известно» [Там же, с. 10]. В результате последующих раскопок в 1881 г. было вскрыто еще 12 могил, а отсутствие изделий из металла еще более укрепило Н. И. Витковского во мнении о неолитическом возрасте изученных комплексов [Витковский, 1882].

Рис. 3. Михаил Павлович Овчинников (1844–1921)

Впервые термин «китойская культура» использовал М. П. Овчинников (рис. 3) [1906, с. 74], когда сравнивал комплексы Китойского могильника с обнаруженными им на территории Глазковского предместья г. Иркутска погребениями иркутской культуры (также по определению автора), которая позднее была названа глазковской. Выявленные различия тогда носили исключительно локально-территориальный характер, а обе культуры были отнесены к неолиту, несмотря на находки изделий из меди и бронзы в некоторых иркутских захоронениях. Однако такая культурно-хронологическая интерпретация китойских комплексов воспринималась неоднозначно. Первые сомнения были озвучены в публикации Н. Н. Бортвина, где характеризовалась керамика Приангарья [Бортвин, 1915]. Автор, в частности, связал сосуды с «рябчатым орнаментом» (т. е. с оттисками плетеной сетки) с погребениями Ки-

¹ Под «курганами» или «буграми» подразумевались небольшие холмы, наличие которых на исследуемом участке Китойского могильника было обусловлено его геоморфологическими особенностями. И. Д. Черский, выезжавший в 1880 г. после раскопок на место, сообщил, что возвышение, где проводились работы, имеет естественный характер и к нему «не может быть применим ни один из терминов, присвоенных искусственным насыпям (напр. курган и т. п.)» [К отчету о летних занятиях ... , 1881, с. 13]. Несмотря на то что Н. И. Витковский также сомневался в искусственном происхождении «бугров», он в процессе работ «придерживался строго указаний, изложенных в "инструкции для научного исследования курганов" профессора Самоковасова, с некоторым только отступлением относительно самого способа раскопки» [Витковский, 1881, с. 1].

тойского могильника, но при этом усомнился в их принадлежности к каменному веку. «Хотя Витковским и не было найдено поделок из металлов, но обряд погребения с окрашиванием костяков, столь распространенный в старшем медном веке Европейской России, заставляет усомниться, чтобы это был неолит» [Бортвин, 1915, с. 183]. В качестве подтверждения своему замечанию он приводит захоронения у дачи «Луна» в г. Иркутске, изученные в 1897 г. М. П. Овчинниковым. Эти комплексы, по мнению Н. Н. Бортвина, были похожи на китойские, но в составе их погребального инвентаря были медные изделия. «Если признать находки Овчинникова древнейшим периодом медного века, то очень близкие находки Китойского могильника нужно относить к тому же времени» [Там же, с. 184].

С мнением Н. Н. Бортвина не был согласен В. И. Подгорбунский (рис. 4), который, подробно рассмотрев вопрос корреляции погребений, обнаруженных у дачи «Луна» и в устье Китоя, справедливо отметил их разницу и предложил первые датировать древнейшим периодом медного века (или неолитом), при этом появление медных орудий рассматривать как случайность, а вторые отнести к неолиту (возможно, к позднему, близкому к медному веку) [Подгорбунский, 1916, с. 14–16].

Рис. 4. Василий Иннокентьевич Подгорбунский (1894–1961)

В. А. Городцов, который еще в начале XX в. обратил внимание на комплексы Китойского могильника, провел некоторые параллели и обозначил связь между ними и ямными захоронениями бронзового века юга России [Городцов, 1907, с. 217–219], позднее развил гипотезу Н. Н. Бортвина. В статье по бронзовому веку СССР, написанной специально для «Большой советской энциклопедии», он озвучил версию, согласно которой китойскую культуру следовало относить к среднему этапу палеометалла и считать синхронной афанасьевской [Городцов, 1927, ст. 623–624]². Такая датировка,

² А. П. Окладников, ссылаясь на две статьи В. А. Городцова [1907, 1915], отмечает, что он «принял предложенное Овчинниковым деление древнейших могильных находок в долине Ангары на две группы. Для первой группы Городцов оставил название “китойской”; вторую он назвал вместо “иркутской” – “глазковской”, по Глазковскому могильнику» [1950, с. 54]. Из текста этих работ

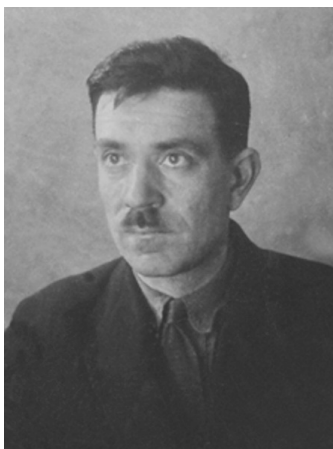

Рис. 5. Георгий
Петрович Сосновский
(1899–1941/1942)

по мнению В. А. Городцова, подтверждалась находками в китойских и афанасьевских погребениях абразивов с желобками, которые он ошибочно интерпретировал как «песчаниковые литейные формы» [Городцов, 1927, с. 624].

Иркутские археологи последовательно придерживались мнения, что китойская культура неолитическая, расширяя при этом перечень местонахождений. Две могилы, обнаруженные местным жителем у ангарского с. Распутина (далее – Распутино), Г. П. Сосновский (рис. 5) отнес к «китойскому типу», который, по его мнению, следовало датировать поздним неолитом [Сосновский, 1924, с. 5]. С этим же временем он связывал и захоронения в предместье Глазкова (далее – Глазково) в Иркутске. Как видно, погребения с металлом также относились к позднему неолиту, и это вызывает закономерный вопрос – почему? Объяснение этому можно найти в предыдущей работе Г. П. Сосновского. «Результаты археологических изысканий последних лет дают основание предположить, что каменный век в Прибайкалье сменился непосредственно эпохой, характеризующейся одновременным употреблением каменных орудий с изделиями из меди и бронзы... Здесь в указанный период (бронзовый век. – И. Б.) существовала смешанная культура, переходная от каменного века к бронзовому... В культурно-историческом отношении эта эпоха должна быть обозначена наличием быта охотника-рыболова каменного века, хронологически же ее (датируя по позднейшим элементам) следует считать синхронистичной бронзовому периоду остальной Сибири и можно рассматривать как начальную фазу эпохи металлов» [Сосновский, 1923, с. 134].

Сам Г. П. Сосновский утверждал на страницах указанной работы, что подобного мнения придерживались М. П. Овчинников и Б. Э. Петри. Действительно, именно Б. Э. Петри (рис. 6), основываясь на взглядах М. П. Овчинникова, впервые сформулировал основные тезисы этой идеи в своем научно-популярном очерке «Далекое прошлое Бурятского края», вышедшем годом ранее [1922, с. 20–21], и последовательно придерживался этого мнения. Подтверждение тому, что идея получила распространение в иркутской археологической среде, обнаруживается, помимо указанной работы Г. П. Сосновского, в статье П. П. Хороших о каменном и железном веках Ольхонского края [1924, с. 17]. В обобщающей работе по сибирскому неолиту Б. Э. Петри, развивая свои мысли, приходит к окончательному выводу, что,

---

видно, что В. А. Городцов действительно обращается к материалам прибайкальских погребений, но подтверждения факту, что он якобы ввел для иркутской группы термин «глазковская», мы здесь не находим. Лишь в одном месте встречается сочетание «Глазковский Иркутский могильник» в отношении отдельных захоронений с медными изделиями [Городцов, 1915, с. 219], но глазковская группа тогда им еще не была обозначена. Четкое разделение «китойской» и «глазковской» культуры впервые появляется у В. А. Городцова только в статье для БСЭ [1927].

несмотря на отдельные находки металлических изделий, для территории Прибайкалья не следует выделять период бронзового века в качестве самостоятельного исторического этапа. «В области сибирской тайги по-прежнему бытовал неолит (поздний), в то время как область степи шагнула на следующую ступень по эволюционной лестнице. Обе индустрии, и каменная, и бронзовая, существовали одновременно. Но отдельные предметы из нового блестящего металла проникали теми или иными способами на север и попадали в руки неолитиков» [Петри, 1926, с. 34]. Это же утверждение повторяется и в другой его работе «Далекое прошлое Прибайкалья» [Петри, 1928, с. 52–53].

Рис. 6. Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937).
На фото справа – на заседании кружка «Народоведение»

В целом близкой позиции придерживалось большинство иркутских археологов. Очевидно, эта идея не раз обсуждалась на заседаниях кружка «Народоведение» (позднее – Студенческий научный кружок краеведения) при Иркутском университете, первое официальное заседание которого состоялось 30 марта 1919 г., а затем на этнологической (позднее – палеоэтнологической) секции ВСОРГО, которая после долгого перерыва возобновила свою работу в 1922 г. В 1923 г. секция насчитывала уже 25 членов, в числе которых были Б. Э. Петри, Г. П. Сосновский, В. И. Сосновский, Е. И. Титов, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, А. К. Григорьев, Я. П. Ходукин, В. И. Подгорбунский и многие другие археологи и этнографы, внесшие значительный вклад в изучение первобытного прошлого Прибайкалья [Сирина, 2002, с. 67].

С 1925 г. активизировались поиски и раскопки новых могильников Прибайкалья. «Иркутская тенденция» в отношении культурно-хронологической атрибуции китойских погребальных комплексов сохранялась и далее, только теперь их перечень был расширен за счет открытия и первых раскопок в 1927 г. М. М. Герасимовым нового могильника Циклодром в Иркутске. Кроме того, вводились в научный оборот материалы других могильников, аналитические разработки становились подробнее, дополняясь разнообразными деталями в соответствии с авторским опытом, основанным на археологических и антропологических данных [Константинов, 1928; Подгорбунский, 1928, 1929; Дебец, 1930]. Г. М. Константинов, в частности, предложил

в своей работе, по сути, первую подробную схему по систематизации известных на тот момент погребальных комплексов Прибайкалья, где к «китойскому типу», который был поставлен перед «лисихинским» и «глазковским» (в данном случае подразумевался хронологический порядок – от раннего к позднему), были отнесены захоронения собственно Китойского могильника, погребения у с. Распутино и могильника Циклодром [Константинов, 1928, с. 88–90]. Однако от датировки обозначенных типов он воздержался.

Развитие дискуссии осложняла ситуация с погребениями, обнаруженными на территории предместья Глазково. Характер исследований и контекст не позволяли некоторое время дифференцировать их на глазковские и китойские (ясность была только относительно Циклодрома), которые, как стало понятно позднее, тоже в больших количествах разрушались при строительстве железной дороги. На это обратил внимание Г. Ф. Дебец (рис. 7): «...несистематичность раскопок и недостаточно тщательная регистрация привели к тому, что в настоящее время весь этот материал, как антропологический, так и археологический, может изучаться только суммарно... часть предметов Глазковского могильника аналогична китойским...» [Дебец, 1930, с. 8]. Тем не менее, в указанном исследовании он принял попытку систематизации комплексов глазковского могильника и, привлекая материалы захоронений у с. Распутино, Китойского могильника, Циклодрома, а также еще одного нового могильника Хапчагай на р. Лене [Окладников, 1928], предложил свой взгляд на последовательность погребальных типов, где китойский был поставлен, как и в схеме Г. М. Константинова, на первое место. При этом Г. Ф. Дебец отметил, «что все погребения относятся к довольно тесно ограниченному временем периоду. Работами Петри, Сосновского, Подгорбунского, Бортвина и др. в достаточной мере выявлено, что спорадическое появление изделий из меди и бронзы характеризует поздний неолит – термин, в таком понимании, являющийся синонимом энеолита» [Дебец, 1930, с. 9].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что взгляды на периодизацию погребений Прибайкалья несколько отличались. Исследователям со стороны и китойские, и глазковские захоронения представлялись поздними комплексами, которые следует датировать ранним или средним этапом эпохи палеометалла (медного/бронзового века). Гипотеза иркутских археологов в целом не меняла хронологической позиции этих погребений в контексте развития археологических культур бронзового века на территории России, а касалась лишь специфики хозяйственно-культурного типа прибайкальской общности, в основе которой лежали охота, рыболовство и технологические традиции каменного века. Эта «таежная», поздненеолитическая по своей сути, культура развивалась на территории Прибайкалья самостоятельно и существовала параллельно «степным кочевническим» бронзовым культурам Сибири. Редкие находки медных или бронзовых изделий рассматривались в качестве случайных предметов, которые в результате контактов и товарообмена со степными племенами попадали в руки местных охотников-собирателей. На данном этапе ни у кого еще не возникало мысли, что китойские погребальные комплексы могут быть намного старше глазковских, так как ряд признаков погребального обряда (например, в ряде

случаев вытянутое положение костяков) и состав инвентаря (нефритовые изделия, орудия рыболовства) были в какой-то мере схожи, а отличия («охра» в китойских погребениях, кладки и металл – в глазковских) рассматривались как локальные и хронологические – в узком диапазоне – особенности единой поздненеолитической культуры. Это в конечном итоге, наряду с определенными трудностями атрибуции множества не имевших контекста погребений, стало ключевым фактором при определении места китойских комплексов в схеме А. П. Окладникова.

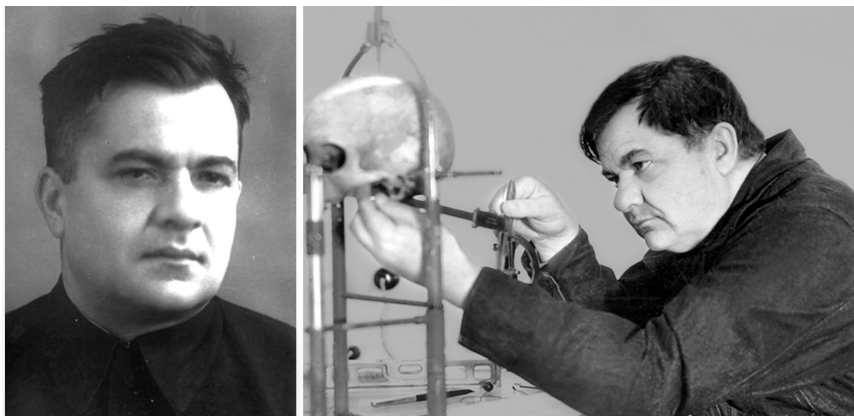

Рис. 7. Георгий Францевич Дебец (1905–1969)

Концепция А. П. Окладникова и ее значение для исследований прибайкальского неолита

Наибольший вклад в изучение погребальных комплексов Прибайкалья в первой половине XX в. внес А. П. Окладников (рис. 8). Будучи увлеченным и крайне энергичным молодым исследователем, он проводил много времени в поисках следов древних людей по берегам рек, в том числе Верхней Лены, где он родился и вырос. В Иркутск на обучение А. П. Окладников приехал в 1925 г., стал посещать кружок Б. Э. Петри и уже совсем скоро официально зафиксировал первые свои открытия в публикации [Окладников, 1926]. В течение следующих двух лет им были открыты могильники у д. Юшино и в местности Хапчагай на Верхней Лене, а также у д. Фофаново в низовьях Селенги [Окладников, 1927; 1928а; 1928б]³.

За довольно краткий период А. П. Окладников открыл и изучил множество новых могильников и отдельных погребений на Ангаре и Лене, чему в значительной степени способствовало его участие, в том числе в качестве руководителя, в ангарских экспедициях 1930-х гг., организованных с целью изучения археологических объектов, которые попадали в зону затопления планируемого на р. Ангаре каскада ГЭС. Полученные материалы позволили

³ Данные о времени открытия А. П. Окладниковым Фофановского могильника разнятся. Сам он в одной из первых заметок по результатам разведки в окрестностях Кабанска указывает, что это произошло в апреле 1927 г. [Окладников, 1927, с. 102]. Но в статье, вышедшей в следующем году, он утверждает, что это произошло в апреле 1926 г. [Окладников, 1928б, с. 63].

значительно расширить источниковую базу по неолиту Прибайкалья, дополнив ее не известными ранее группами погребальных комплексов – хиньской, исаковской и серовской (еще одна группа, шиверская, была отнесена к развитому бронзовому веку). В результате проведенных исследований, уже после своего переезда в Ленинград, А. П. Окладников предложил первый вариант авторской концепции, в основе которой лежало стадиальное развитие байкальской неолитической культуры. Китойская и глазковская стадии в его схеме следовали за хиньской, исаковской и серовской и соответствовали, судя по всему, позднему неолиту и энеолиту, хотя вопросы абсолютной хронологии в данной статье практически не обсуждались. «Положено, следовательно, начало новой классификации памятников неолита Прибайкалья и периодизации их в рамках относительной хронологии; достигнуто основное условие для использования этих исключительно ценных находок как исторического источника, раскрывающего существенные черты далекого прошлого Сибири...» [Окладников, 1938, с. 245].

Рис. 8. Алексей Павлович Окладников (1908–1981)

Предложенная концепция, отвергая «краеведческие» и «буржуазно-вещеведческие» подходы ряда российских и советских археологов первой трети XX в., превосходно вписывалась в установки, диктуемые новым направлением – теорией стадиальности, сформированной под влиянием учения о языках Н. Я. Марра, центром активной пропаганды которой был в 1930-е гг. ГАИМК [Лебедев, 1992, с. 428–432; Клейн, 2011, с. 18–21]. Поэтому логично, что в соответствии с методологическими установками марксистской археологии для неолита Прибайкалья А. П. Окладниковым была определена единая общность (местная культура), которая претерпевала последовательные изменения на определенных стадиях своего общественно-экономического развития, отражавшиеся в материальной культуре и динамике этнического разнообразия. «Сравнение ангарских находок с неолитическими материалами Европейской части СССР и Запада, а также

Амура и Восточной Азии, позволяет, однако, сделать, вопреки вульгарно-миграционистическим теориям, вывод не только о самостоятельности и глубиной древности ангарского неолита, но и о некоторых общих для неолита закономерностях в развитии материальной культуры... Эта специфическая культура принадлежала жителям тайги, лесным охотникам и затем рыболовам, максимально приспособившимся в условиях того времени к окружающей их среде, но не остановившимся на достигнутом ими вначале уровне, а развивавшим свою материальную культуру, изменявшим свою жизнь и общественный строй на протяжении тысячелетий, как это показывает анализ последовательно сменявшихся групп памятников... Отмеченные обстоятельства, требующие дальнейших детальных исследований и еще более широкого размаха раскопок, ставят нас, следовательно, перед задачей пересмотра всего “наследства” по неолиту Сибири, традиционных взглядов на него и, особенно, вульгарно-миграционных схем, столь модных у реакционно настроенных археологов и этнологов Запада» [Окладников, 1938, с. 258–260].

Эти же материалы легли в основу диссертационного сочинения А. П. Окладникова «Неолитические погребения в долине р. Ангары», защищенного в 1938 г. Из имеющихся в нашем распоряжении материалов⁴ видно, что в это время происходит его сознательное дистанцирование от школы Б. Э. Петри, достижения которой он оценивал уже со стороны, с позиций марксистской археологии. Помимо «чуждого сознательной диалектике эволюциониста» Б. Э. Петри, который к этому времени был осужден и расстрелян, как враг народа, а также ряда зарубежных археологов, «выступавших против революционной теории развития», критика А. П. Окладникова коснулась и других советских исследователей – «запутавшегося в умело составленных сетях культурно-исторической школы» Г. Ф. Дебеца и «подгоняющего смену памятников Сибири к универсальным рамкам своей спекулятивной классификации при помощи типологического метода» В. А. Городцова. Наименьшую порцию критики получил Г. П. Сосновский, как первый археолог, чей «новый взгляд» на неолит Прибайкалья, представленный в одной из его работ [Сосновский, 1933], базировался уже на марксистско-ленинской методологии и резко отличался «от схем буржуазных исследователей».

Возвращаясь к позиции китойских погребений в схеме А. П. Окладникова, следует отметить, что веских аргументов для помещения китойской стадии между серовской и глазковской им не приводилось, во всяком случае они отсутствовали в статье 1938 г. Очевидно, на тот момент не было еще никаких предпосылок для пересмотра идеи, разработанной в недрах иркутской школы, а исходя из убеждений автора в большей древности исаковской и близкой ей серовской групп погребений в сравнении с китойской, такая последовательность выглядела на тот момент оправданно. Факт, что китой-

---

⁴ К настоящему моменту мы, к сожалению, располагаем только частью машинописного варианта диссертации А. П. Окладникова, который состоит из географического очерка и главы, посвященной истории исследования неолитических памятников в Прибайкалье. Точное количество страниц полной рукописи нам неизвестно, как не ясно, насколько строго соответствуют номера страниц в нашей копии общей их нумерации в диссертации. По этим причинам ссылка на эту работу в списке литературы не приводится.

ская стадия по ряду признаков отличалась от предшествующего ей серовского, не нарушал логики предложенной схемы, а, наоборот, в отличие от эволюционистского подхода, подтверждал таким образом априорный тезис о том, что развитие прибайкальского неолита должно было подчиняться законам стадияльной теории в рамках общей идеи революционности общественного развития.

Концепция А. П. Окладникова, разумеется, сразу привлекла внимание и получила соответствующую критическую оценку. Первая реакция, что абсолютно логично, последовала от Г. П. Сосновского, который принимал непосредственное участие в исследованиях прибайкальского неолита. В отзыве на диссертацию А. П. Окладникова, хранящемся в виде рукописи в архиве ИИМК РАН [Сосновский, 1938]⁵, он, наряду со многими замечаниями по методике полевых работ и по выделению критериев и руководящих признаков, высказал мнение, что серовские погребения могут быть моложе китойских, так как каменные кладки характерны для энеолита. В довершение всего, исаковские и серовские комплексы, по мнению Г. П. Сосновского, следовало рассматривать как поздние варианты китойских, а не самостоятельные хронологические стадии.

Кроме того, в схеме А. П. Окладникова на тот момент, если говорить о ее первом опубликованном варианте, было несколько «слабых» мест – ей не хватало историзма (разумеется, марксистского), антропологического обоснования, этнографических аналогий в качестве объяснительных моделей и сравнительного анализа для абсолютной датировки⁶ как отдельных стадий, так и неолита – бронзового века Прибайкалья в целом. Это, очевидно, осознавал и сам автор, и уже через два года в докладе, сделанном им на совещании по этногенезу народов Севера при Отделении истории и философии АН СССР в Москве, наряду с попыткой проследить связь эвенков с древним населением Сибири, были предложены широкие хронологические рамки для байкальской неолитической культуры и ее пяти последовательно сменяющихся стадий (хиньской, исаковской, серовской, китойской и глазковской) в интервале от VI тыс. до X в. до н. э. [Окладников, 1941]. На прениях с критикой концепции А. П. Окладникова выступили А. М. Золотарев, С. В. Киселев и С. А. Токарев, однако их замечания касались не хронологии выделенных стадий, а особенностей их хозяйственно-культурного типа, в частности ошибочной интерпретации исаковцев и серовцев как исключительно охотников, а китойцев и глазковцев как рыболовов. А. П. Окладников им, разумеется, возражал [Обзор прений ... , 1941, с. 129–130].

В 1940 г. вышла небольшая монографическая работа И. В. Арембовского, еще одного ученика Б. Э. Петри, «На заре истории Прибайкалья», из текста которой ясно, что автор полностью разделяет мнение А. П. Окладни-

⁵ Информация приводится в соответствии с выписками из архива Г. П. Сосновского, сделанных Н. Е. Бердниковой в 1981 г.

⁶ До появления и широкого внедрения в археологические исследования метода радиоуглеродного датирования это был единственный способ для определения возраста древних обществ, жизнедеятельность которых не была отражена в письменных источниках в силу их глубокой древности или иных причин.

кова в отношении выделенных стадий и их хронологии [Арембовский, 1940, с. 4–56]. И совпадение их взглядов объяснимо, так как И. В. Арембовский принимал непосредственное участие во всех ангарских экспедициях А. П. Окладникова вплоть до начала войны.

К началу 1950-х гг. концепция А. П. Окладникова, с учетом ряда высказанных замечаний, приобрела законченный вид и была представлена широкому кругу специалистов в виде трех частей по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья, опубликованных в двух монографиях серии «Материалы и исследования по археологии СССР» [Окладников, 1950, 1955]. Первоначальный вариант схемы был дополнен новыми материалами и «усилен» сравнительно-историческими и этнографическими данными.

Первая книга вышла не совсем в удачное время – в 1950 г. советская гуманитарная наука переживала очередной кризис в связи с «антимарристской» кампанией, развернувшейся после обсуждения нового учения о языке Н. Я. Марра на страницах газеты «Правда». Итоги дискуссии были подведены публикацией «гениального произведения» И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», изданного впоследствии отдельными брошюрами [Сталин, 1950а, 1950б]. Достоверно нам неизвестно, но вполне вероятно, что в первоначальном варианте рукописи монографии А. П. Окладникова 1950 г. внешне все выглядело так же, как и в схеме 1938 г., но выделенные ранее «стадии» развития байкальского неолита вдруг превратились в «этапы» с аналогичными названиями. Судя по всему, таким образом он пытался избежать обвинений в следовании «марристским» идеям, внезапно объявленным лженаучными. От немарксистских взглядов Н. Я. Марра пришлось А. П. Окладникову отмежеваться и подвергнуть его взгляды критике, но это было сделано почему-то только в главе, посвященной характеристике серовского этапа [Окладников, 1950, с. 287–288, 305, 353], при этом на других страницах все еще можно было обнаружить термин «стадия» применительно к тому или иному этапу неолита Прибайкалья⁷ [Там же, с. 138, 140, 164]. Очевидно, правки в спешке вносились в уже готовую рукопись, возможно, даже на этапе верстки.

Корректировка внешнего облика схемы, однако, не уберегла А. П. Окладникова от жесткой критики А. Я. Брюсова, который в следующем году опубликовал рецензию на первую монографию в «Вестнике древней истории», где непрозрачно намекнул на его приверженность «марризму» [Брюсов, 1951, с. 158–159]. Попытки А. П. Окладникова привлечь для сравнения как можно большее количество археологических, исторических и этнографических источников не сыграли, по мнению А. Я. Брюсова, отведенной им роли, а главным недостатком исследования было названо отсутствие историзма [Там же, с. 161].

В рецензии А. Я. Брюсова, наряду с некоторыми ценными замечаниями – например, отсутствие в книге А. П. Окладникова внятных карт, недостаток его внимания к материалам многослойных местонахождений – поднимался еще один важный вопрос: «...остается неясным, представляет

---

⁷ Позднее А. П. Окладникову пришлось не только снова критиковать учение Н. Я. Марра, но и лично каяться в «грехах марнизма» [Борисковский, Окладников, 1953].

ли себе А. П. Окладников выделенные им этапы развития материальной культуры Прибайкалья последовательными этапами в развитии одной и той же археологической или этнической общности. Не было ли здесь полной или частичной смены населения?» [Брюсов, 1951, с. 156]. Но если рассматривать рецензию в целом, она содержала мало конструктивной критики и была точечно, акцентируя внимание на разборе отдельных малозначительных сюжетов, вроде проблемы «серовского лука» или датировки по медным ножам. Вопросам культурно-хронологической принадлежности китойского этапа – наиболее яркого явления в неолите Прибайкалья – внимания было уделено крайне мало. В отношении раздела с характеристикой материалов этих погребений А. Я. Брюсов ограничился двумя фразами: «Последняя глава книги о китойском этапе построена на тех же приемах и, естественно, приводит автора к выводу о существовании “в конце 3-го и во всяком случае в самом начале 2-го тысячелетия до н. э. передовой группы лесных племен Прибайкалья” (стр. 411). На критике этой главы я не буду останавливаться, чтобы не повторяться» [Там же, с. 161]. Хотя ниже, в контексте проблемы этнической общности населения Прибайкалья на различных этапах, он обратил внимание на «архаический облик» каменного инвентаря китойцев [Там же], а выше указал на недопустимость сравнения китойских погребений с комплексами Оленеостровского могильника на Онежском озере⁸ [Брюсов, 1951, с. 158]. Но все это мимоходом, не углубляясь в подробности, в контексте других проблем, казавшихся А. Я. Брюсову более важными. Такой характер рецензии, где критика была направлена не на объективное раскрытие сути исследования со всеми сильными и слабыми сторонами, а на отдельные и очевидные уязвимости, в совокупности с ее резким тоном, объяснить можно только предвзятостью автора по отношению к А. П. Окладникову, который должен был держать ответ перед научным сообществом за все злодеяния ленинградской компании «археологов-марристов». Ответ А. П. Окладникова был опубликован в следующем году, где он возразил, что у него нет никаких оснований объяснять развитие прибайкальского неолита как-то иначе [Окладников, 1952].

Обращаясь к вопросу относительной и абсолютной датировки китойских погребений в новой схеме А. П. Окладникова, можно заметить, что в целом серьезных изменений не произошло. Китойский этап, как прежде и одноименная стадия, занимал место между серовским и глазковским этапами, т. е. относился к позднему неолиту, а для обоснования своей теории А. П. Окладников, наряду с внутрирегиональным сравнительным анализом, привлек в качестве аналогов обширные археологические материалы от Сибири и Китая вплоть до Западной Европы и даже Египта.

Главным критерием для определения относительной хронологической позиции была и оставалась близость китойских и глазковских погребений, обнаруживаемая как в предметном комплексе, так и в некоторых признаках

⁸ Идея о близости китойских погребений и захоронений могильника Южного Оленьего озера на Онежском озере, подвергнутая критике А. Я. Брюсовым, сегодня, с учетом современных представлений об их возрасте, представляется довольно интересной и настоятельно требующей своего развития.

погребального обряда. «Чтобы выяснить эти хронологические отношения погребений, нужно, следовательно, детально проследить изменения в инвентаре и погребальном ритуале, рассмотреть, чем и как связываются отдельные группы погребений, установить процесс нарастания новых прогрессивных признаков и выяснить, как они вытесняют старые, исчезающие, черты... Труднее решить вопрос о хронологическом соотношении исаковской, серовской и китойской групп, так как в их инвентаре обнаруживается много общего. Но и здесь имеется определенная путеводная нить в виде связей их не только друг с другом, но и с глазковской группой. Из них, очевидно, должна быть признана более поздней именно та группа погребений, которая обнаружит более прочные связи с энеолитической – глазковской, а более древней – самая далекая от последней... Рассматривая характерные признаки китойской и серовской групп и сопоставляя их с признаками глазковской, приходится сделать вывод, что китойские погребения стоят гораздо ближе к глазковским, чем серовские, и потому моложе серовских⁹» [Окладников, 1950, с. 89–90].

Сложнее было обосновать абсолютный возраст китойского этапа, и для решения этой задачи А. П. Окладникову пришлось провести широкие, в евразийском масштабе, параллели для различных категорий погребального инвентаря – каменных колец, различных костяных изделий, украшений, наконечников стрел, наконечников гарпунов и т. д. В погребальном обряде ему виделось некое сходство китойских комплексов и ряда европейских могильников. Все данные были сведены в таблицу, которая, по мнению А. П. Окладникова, убедительно демонстрировала датировку китойского этапа. «Все сказанное выше может быть представлено в прилагаемой схеме, из которой следует вывод, что китойские памятники Сибири должны быть уверенно датированы во всяком случае концом III и, в наиболее поздних случаях, первыми двумя-тремя веками II тысячелетия до н. э. При этом следует учитывать, что погребения с каменными кольцами и могилы вблизи дер. Распутино с булавками ямно-катакомбных форм могут быть не самыми древними из всей массы погребений китойского типа. В таком случае погребения китойского типа в какой-то своей части могут уходить и дальше вглубь III тысячелетия до н. э.» [Окладников, 1950, с. 138]. С одной стороны, такого рода сравнительный анализ усиливал аргументацию, с другой – обнаруживал ряд противоречий, как, например, упомянутые выше аналогии между китойскими и оленеостровскими погребениями или неудачная попытка корреляции материалов могильников и стоянок, в том числе многослойного местонахождения Улан-Хада.

---

⁹ Эта цитата, кстати, наглядно иллюстрирует, что марксистская по облику схема А. П. Окладникова в содержании своем являлась своеобразным сплавом теории стадильности 1930-х гг. и других направлений, в том числе критикуемого им эволюционизма. С общими идеями прогресса, но при этом с присущими стадиялизму этническим автохтонизмом и неприятием теории миграций, она допускала возможность культурного взаимовлияния, заимствований и базировалась на идее преемственности и сравнительно-историческом анализе, для которого привлекались широкие в географическом плане аналогии и типологический метод.

Несмотря на определенные коллизии и отрицательную рецензию, предложенная А. П. Окладниковым в 1950 г. хронология прибайкальского неолита была принята большинством археологов, а концепция в своем завершенном виде на некоторое время заняла главенствующие позиции в исследованиях прибайкальских древностей. Идеи А. П. Окладникова развивали его ученики-диссертанты Л. П. Хлобыстин, Г. М. Георгиевская, В. В. Свинин, А. К. Конопацкий, которые дополняли схему новыми данными и последовательно уточняли хронологическую позицию китойских погребений.

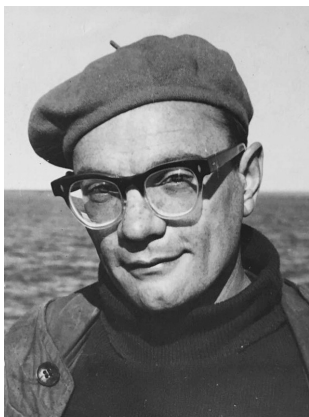

Рис. 9. Леонид Павлович Хлобыстин (1931–1988).

Из семейного архива
Хлобыстиных (социальная сеть Instagram,
https://www.instagram.com/khlobvstin_familiv)

Л. П. Хлобыстин (рис. 9), в результате анализа материалов многослойного местонахождения Улан-Хада из раскопок Б. Э. Петри, пришел к выводу, что здесь «последовательно залегают остатки культуры “бескерамического неолита”, позднесеровского времени, китойской культуры, стоянок глазковского и шиверского времени, а также времени курыкан. Стратиграфия культурных напластований стоянок в бухте Улан-Хада в основном соответствует периодизации древних культур Прибайкалья, разработанной А. П. Окладниковым по материалам могильных комплексов» [Хлобыстин, 1964, с. 32]. В цитируемой работе обращает на себя внимание не только термин «китойская культура», который спустя много лет вновь появляется и в дальнейшем утверждается в литературе, но и свежий взгляд на поздний неолит Прибайкалья: «...основным районом распространения китойской культуры были Южный Байкал и Ангара, куда она проникла, вероятно, из

юго-восточных областей (верховья Амура?)¹⁰ в конечную фазу серовского этапа и способствовала его перерастанию в глазковскую культуру» [Там же, с. 29]. Аргументация гипотезы Л. П. Хлобыстина строилась, главным образом, на находках в IX слое Улан-Хады керамики посольского типа и фрагментов сетчатых сосудов (последние на данном местонахождении считались исключительно серовскими). Посольская керамика, по мнению автора, была характерна для китойской культуры, следовательно, серовцы на определенном этапе могли сосуществовать с китойцами.

В. В. Свинин (рис. 10), который в целом также придерживался схемы А. П. Окладникова, с некоторыми утверждениями Л. П. Хлобыстина не согласился и отметил их дискуссионный характер в своей диссертационной работе, посвященной археологии Байкала [Свинин, 1970]. В частности, он считал недоказанным факт принадлежности посольской керамики к китойской культуре, а также сомневался в восточном происхождении китойцев [Там же, с. 139–140]. Кроме того, В. В. Свинин вообще ставил под вопрос

¹⁰ Это мнение разделял В. Н. Чернецов, который связывал появление китойцев в Прибайкалье с проникновением в регион даурского населения [1973, с. 17].

наличие китойских материалов на Улан-Хаде и придерживался мнения А. П. Окладникова об их позднем возрасте. Одновременно с китойской культурой, распространенной в Приангарье, как он отмечал, на Байкале появляется раннеглазковская [Свинин, 1976, с. 171].

Желание подкрепить свою схему фактическими материалами, которые не удалось опубликовать в 1950-х гг., видимо, не покидало А. П. Окладникова, и в середине 1970-х гг. выходит его трехтомный труд с подробнейшей характеристикой большинства известных к тому времени погребальных комплексов р. Ангары [Окладников, 1974, 1975, 1976]. Как видно из предисловия к первой книге, его взгляды на неолит Прибайкалья не изменились. Китойские комплексы, в противовес гипотезе Л. П. Хлобыстина, по-прежнему рассматривались как автохтонное явление, а не как локальная культура, сосредоточенная в определенном районе Прибайкалья. Радиоуглеродных данных еще не было, поэтому дискуссия о синхронности на определенном этапе китойских и серовских погребений, как заметил А. П. Окладников, была невозможна до полной публикации материалов Улан-Хады [Окладников, 1974, с. 9–12]. В предисловии к следующему тому он приводит дополнительные доводы в пользу своей версии по вопросу хронологической позиции китойских комплексов: в ритуале захоронения и инвентаре одного из погребений, раскопанных в 1957 г. Л. Я. Крижевской в устье р. Белой, сочетались черты, характерные, по его убеждению, для китойского и глазковского культурно-исторических этапов [Окладников, 1975, с. 6]. Тем не менее, А. П. Окладников допускал, что в будущем, в связи с накоплением фактического материала, возможны коррективы, которые «могут привести к существенному изменению привычных для нас схем» [Окладников, 1974, с. 18].

Гипотеза Л. П. Хлобыстина получила дальнейшее развитие в связи с получением первых радиоуглеродных дат и результатов палеоантропологических исследований Н. Н. Мамоновой [1973]. В итоге он пришел к окончательному выводу, что китойская культура «является самостоятельным этнокультурным феноменом, а не этапом в эволюционной схеме периодизации прибайкальского неолита» [Хлобыстин, 1978, с. 96–97]. Начало ее формирования было впервые предложено отнести к раннему неолиту и датировать в целом периодом с конца V до начала II тыс. до н. э. [Там же, с. 98].

Наиболее основательно к вопросу о месте китойских комплексов в прибайкальском неолите подошла Г. М. Георгиевская (рис. 11), которая много лет вела раскопки на известном местонахождении Усть-Белая (Верхнее Приангарье), где, наряду с интереснейшими стояночными материалами, был обнаружен и изучен могильник. Ее диссертация «Китойская культура Прибайкалья» [Георгиевская, 1979] – единственное специальное исследование по этой теме – вышла позднее в виде одноименной монографии [Георгиевская,

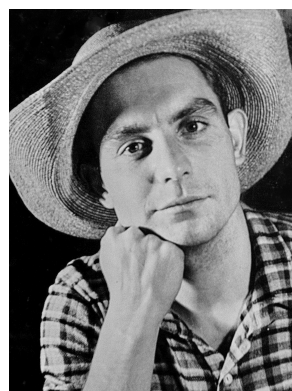

Рис. 10. Владимир Вячеславович Свинин (1936–2012)

Рис. 11. Галина
Марковна Георгиевская
(1936–2002)

1989]¹¹. Г. М. Георгиевская, как и другие ученики-диссертанты А. П. Окладникова, опиралась на схему своего научного руководителя. Однако к концу 1970-х гг. в силу ряда объективных причин, в том числе получения первых радиоуглеродных данных, назрела необходимость ее уточнения. Критически относясь к идеям Л. П. Хлобыстина и В. В. Свирина, основанных преимущественно на анализе керамики [Там же, с. 13–14], Г. М. Георгиевская предложила свое видение проблемы. «В сложившейся ситуации вопрос о соотношении китойского комплекса с исаково-серовскими памятниками следует решать в несколько ином плане, чем было принято до последнего времени... Сопоставляя имеющиеся абсолютные даты Китоя и Глазково, можно отнести китойские памятники к началу V – второй половине III тыс. до н. э. На основании абсолютных дат, полученных А. К. Конопацким для памятников серовской культуры, можно заключить, что время существования китойских и серовских комплексов в основном совпадает. Древнейшие погребения китойского типа скорее всего во времени соотносятся с исаковскими памятниками, для которых, к сожалению, пока еще не получена абсолютная датировка. Сходство в типологии инвентаря этих комплексов свидетельствует о том, что они, видимо, зародились на общей мезолитической основе» [Там же, с. 120–121].

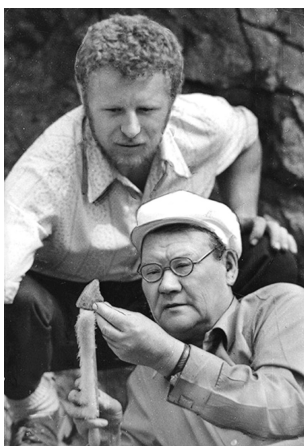

Рис. 12. Александр
Кириллович Конопац-
кий и А. П. Окладников

Мнение Л. П. Хлобыстина и Г. М. Георгиевской о формировании китойской культуры на ранних этапах неолита разделял и А. К. Конопацкий (рис. 12), еще один ученик А. П. Окладникова, в распоряжении которого оказалась целая серия (первая в своем роде) радиоуглеродных дат для прибайкальских погребений и стоянок. Первые сведения были опубликованы А. К. Конопацким уже в конце 1970-х гг. [Конопацкий, 1978, с. 125; 1979, с. 11], а полный список определений приведен позже в монографии, в основу которой легла его кандидатская диссертация. В их числе были 35 дат для прибайкальских местонахождений, а также 16 дат для ангарских, ольхонских и верхнеленских захоронений, из них 3 для китойских, 4 – для серовских и 9 – для глазковских [Конопацкий, 1982, табл. 1, 2]. Эти данные позволили не только подтвердить предполагаемый ранний возраст некоторых китойских комплексов, но

¹¹ К 1989 г. была получена серия радиоуглеродных дат, обосновывающих ранненеолитический возраст китойских погребений, однако в монографии этот вопрос никак не обсуждается, из чего напрашивается вывод, что она практически повторяет текст устаревшей к этому моменту диссертации Г. М. Георгиевской.

и показать, в каком соотношении они находятся с серовскими и глазковскими. Серия из трех радиоуглеродных дат для двух погребений продемонстрировала следующий возраст: погр. 3 с Шаманского мыса о. Ольхон – 6550 ± 35 л. н. (СОАН-790) и 5720 ± 50 л. н. (ЛЕ-1076)¹², погр. 2 из местности Калашиха (Шумилиха. – И. Б.) на Верхней Ангаре – 4380 ± 15 л. н. (СОАН-1665) [Там же, с. 76, табл. 2]. Так как корректность поздней даты вызывала у А. К. Конопацкого определенные сомнения, он не стал опираться на нее при определении верхней хронологической границы китойских комплексов. В диссертации он отнес их к концу V и к IV тыс. до н. э. [Конопацкий, 1979, с. 13], а в монографии ограничился выводом, что данные радиоуглеродного анализа свидетельствуют о более глубокой их древности, чем считалось ранее [Конопацкий, 1982, с. 114]. В вопросах генезиса китойской культуры А. К. Конопацкий разделял точку зрения А. П. Окладникова, В. В. Свинина и Г. М. Георгиевской и отрицал пришлое (восточное) ее происхождение.

Охарактеризованная ситуация демонстрирует, что к концу 1970-х гг. произошла первая серьезная трансформация фундаментальной концепции А. П. Окладникова, где китойские комплексы стали рассматриваться в качестве самостоятельной археологической культуры Прибайкалья, время существования которой определялось разными исследователями в широком диапазоне с конца V до начала II тыс. до н. э. Основным дискуссионным моментом оставался вопрос о генезисе китойской культуры.

Альтернатива М. М. Герасимова и «радиоуглеродная революция»

Среди тех, кто мог в конце 1930-х гг. предметно оппонировать А. П. Окладникову по вопросам культурно-хронологической атрибуции неолитических погребений Прибайкалья, оставались только Г. П. Сосновский, Г. Ф. Дебеч и М. М. Герасимов¹³. К этому времени Б. Э. Петри и часть его «кружковцев» был расстреляны, остальные сосредоточились на других исследовательских задачах или проблемах собственного выживания в условиях тотальных репрессий и гонений на гуманитарную науку: П. П. Хороших был в 1931 г. осужден и долгие годы в Иркутске не появлялся; В. И. Подгорбунский, работавший в то время на кафедре физической географии Иркутского университета, археологией уже не занимался и ничего не публиковал; И. В. Арембовский, который в целом разделял взгляды А. П. Окладникова, ушел на фронт и потом к этой теме не возвращался; следы Г. М. Константинова вообще теряются. Если раньше все идеи так или иначе обсуждались на заседания университетского кружка и палеоэтнологической секции ВСОРГО, то теперь, кроме трех человек, дать оценку новой концепции с позиции собственного исследовательского опыта было просто некому. Отзыв Г. П. Сосновского на диссертацию А. П. Окладникова, к сожалению,

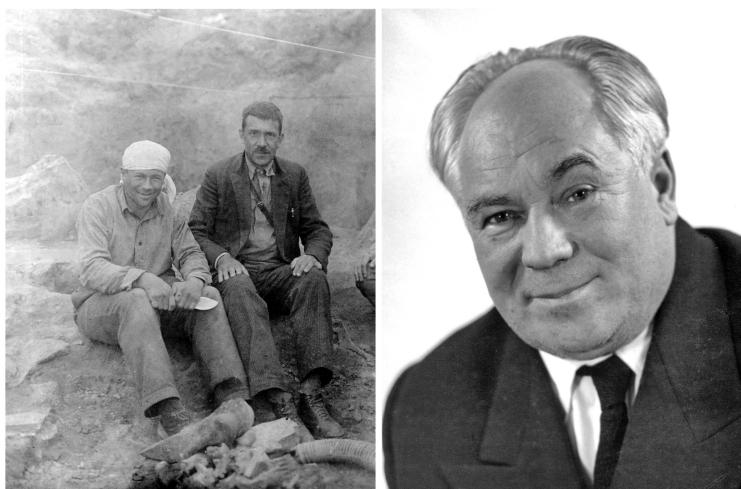
¹² На эту дату опирался Л. П. Хлобыстин, когда предлагал определить нижнюю хронологическую границу для китойских погребений [1978, с. 96].

¹³ Они не понаслышке были знакомы с «китойской проблемой». Как указано выше, Г. П. Сосновский обрабатывал материалы распутинских погребений и руководил ангарскими экспедициями 1930-х гг., Г. Ф. Дебеч изучил серию неолитических черепов, в том числе китойских, М. М. Герасимов открыл могильник Циклодром в Иркутске, а позднее, в 1931, 1934–1936 гг., провел исследования на Фофановском могильнике [Герасимов, Черных, 1975, с. 23], где были обнаружены ранненеолитические захоронения, весьма близкие китойским.

так и не был опубликован. Возможно, планы представить научному сообществу свое видение на развитие неолита Прибайкалья у Г. П. Сосновского были, но им не суждено было сбыться по причине скорой его гибели в блокадном Ленинграде. У Г. Ф. Дебеца, наверное, также были собственные соображения на этот счет, но он их либо не решался озвучивать, так как А. П. Окладников предоставлял ему антропологические материалы для обработки, либо не считал на тот момент эти задачи приоритетными.

Ответ М. М. Герасимова (рис. 13) на концепцию А. П. Окладникова последовал, но не сразу, что было связано с его значительной занятостью в области антропологических разработок, в том числе знаменитой методики реконструкции лица по черепу. Публикация первой монографии А. П. Окладникова в 1950 г. заставила его вновь обратиться к проблемам хронологии прибайкальских погребений. В книге «Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек)», выход которой совпал по времени с публикацией третьей части труда А. П. Окладникова по бронзовому веку, М. М. Герасимов отвел значительное место специальному разделу, посвященному характеристике археологических и антропологических материалов, а также реконструкции внешнего облика отдельных индивидов из погребений неолитической байкальской культуры [Герасимов, 1955, с. 414–450]. В вводной части в одном из примечаний он говорит, что не рассматривает в настоящей работе вопрос хронологии, но при этом считает, что тот нуждается в пересмотре, так как «китойский этап, вероятно, следует датировать более ранним временем, а глазковский – более поздним; место исаковского и серовского этапов – между ними» [Там же, с. 415]. Видимо, изначально рассуждать на эту тему М. М. Герасимов не собирался (возможно, считал не уместным в контексте заявленной тематики) и обозначил свою позицию в двух предложениях. Однако мы видим, что в заключении к данному разделу альтернативный взгляд М. М. Герасимова на неолит Прибайкалья дается уже в развернутом виде и подробно аргументируется [Там же, с. 442–450]. Из этого можно сделать вывод, что мысль вставить фрагмент с дискуссией по хронологии пришла ему в последний момент, т. е. после того, как рукопись монографии была готова. Возможно, в данном случае свою роль сыграло понимание, что более удобного случая в ближайшее время может не представиться, а желание высказаться по этому поводу было очень сильным, о чем свидетельствуют следующие строки: «Кончая небольшой раздел, посвященный сибирскому неолиту, мы не можем умолчать о некоторых своих недоумениях, связанных с классификацией сибирского неолита, предлагаемой А. П. Окладниковым» [Там же, с. 442].

Взгляд М. М. Герасимова на хронологию байкальской неолитической культуры серьезно отличался от концепции А. П. Окладникова. И важнейшим обстоятельством, как отмечено выше, было помещение китойского этапа, который традиционно соотносился с поздним неолитом, перед ранненеолитическим исаковским. Одним из аргументов являлось отличие краниологических серий из китойских и глазковских погребений. Для китойцев, по мнению М. М. Герасимова, был характерен антропологический тип недифференцированного монголоида (палеосибирский тип), для глазковцев – тип, близкий североамериканскому варианту древнего монголоида [Там же, с. 445].

Рис. 13. Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970).
На фото слева – с Г. П. Сосновским на раскопках в Мальте

Подтверждение своей гипотезы он видел и в археологических материалах. Опираясь на мысль о преемственности этапов, М. М. Герасимов указывал, с одной стороны, на близость серовских и глазковских погребений по таким категориям инвентаря, как рыболовные орудия (крючки и наконечники гарпунов), тесла и топоры, с другой – на отличия китойского этапа от серовского и глазковского, характеризующихся разными формами наконечников стрел, различиями в украшениях, а также такими особенностями китойских комплексов, как редкие находки керамики в могилах и обязательная засыпка костяка «охрой». «Таким образом, по нашим наблюдениям, степень сходства серовского и глазковского этапов столь велика, что поздний серовский этап как бы переходит в ранний глазковский, и нередко различить эти этапы крайне затруднительно... Китойский этап разрывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врезается инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому этапу. Китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить только вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно¹⁴... Между тем помещение китойского этапа перед исаковским, по нашему представлению, не только возможно, но и устранило бы многие противоречия, так как между китойским и исаковским этапами есть некоторая взаимная связь» [[Герасимов, 1955, с. 445–448].

¹⁴ М. М. Герасимов считал внедрение инородного населения мало вероятным сценарием, но Л. П. Хлобыстин обратил внимание на это замечание, и уже через несколько лет идея о том, что китойское население пришло, была использована им для разработки собственной объяснительной модели.

В пользу раннего возраста китойских комплексов, по мнению М. М. Герасимова, свидетельствовали также несовершенная («убогая») техника обработки нефрита, отсутствие полулунных полированных ножей и сложного лука. Судя по всему, он склонялся к мысли, что китойский и глазковский этапы следует рассматривать как культуры, причем единый исаково-серовский являлся лишь начальным этапом последней [Там же, с. 448–449]. И все же в окончательном варианте своей схемы термин «культура» в отношении того или иного этапа М. М. Герасимов употреблять не стал. Основываясь на собственных наблюдениях и анализе работы А. П. Окладникова, он предложил датировать китойский этап, который характеризовался развитым рыболовством, появлением керамики и орудиями с частичной шлифовкой, ранним неолитом и поместить его между хиньским и исаковским [Там же, с. 449–450].

Раскопки в 1959 г. Фофановского могильника в низовьях Селенги только укрепили М. М. Герасимова в его правоте. Группа захоронений этого могильника, близкая по обряду и инвентарю к прибайкальским китойцам, резко отличалась от группы, датируемой глазковским временем. А находки характерных керамических сосудов с «жемчужинами» у венчика в погребениях «глазковской» группы, позволяли соотнести их с материалами VIII–III слоев Удан-Хады, которые А. П. Окладников считал китойскими [Герасимов, Черных, 1975, с. 47].

Одной из учениц М. М. Герасимова, Н. Н. Мамоновой (рис. 14), суждено было сыграть решающую роль в дискуссии о месте китойских погребений в неолите Прибайкалья. Вот что пишет о ее научной карьере М. М. Герасимов: «...в экспедиции А. П. Окладникова в 1957 г. я вновь пересеклась с Натальей Николаевной... Н. Н. Мамонова собирала материал для своей кандидатской диссертации, посвященной палеоантропологии прибайкальского неолита. Здесь следует заметить, что автор раскопок А. П. Окладников и М. М. Герасимов стояли на противоположных позициях по поводу стратиграфической колонки различных этапов (или культур) прибайкальского “неолита”, и Наталья Николаевна, молодой еще исследователь, стояла перед сложной задачей выбора концепции, от которого зависела интерпретация полученных краниологических данных. Невзирая на огромную увлеченность личностью Алексея Павловича Окладникова, Наталья Николаевна скорее была склонна принять гипотезу М. М. Герасимова, придав ей, однако, собственный интерпретационный характер. Сбору и реставрации новых палеоантропологических материалов из погребений так называемого Прибайкальского неолита, идентификации старых коллекций, хранящихся в Иркутском краеведческом музее и изученных в свое время Г. Ф. Дебецем, публикациям изученных серий посвящена большая часть научного творчества Н. Н. Мамоновой... Огромная увлеченность исследуемым материалом, скрупулезность при изучении сопутствующего каждому погребению археологического контекста характерны для работ Н. Н. Мамоновой. И это не удивительно, поскольку она была ученицей и М. М. Герасимова, и А. П. Окладникова, а оба они вышли из школьного кружка “Народоведения” при Иркутском краеведческом музее¹⁵ и оба были учениками Б. Э. Петри» [Герасимова, 2015, с. 9].

¹⁵ В действительности кружок «Народоведение» (позднее – кружок краеведения) работал, как указано выше, при Иркутском университете.

Рис. 14. Наталья Николаевна Мамонова (1921–2006).
На фото справа – с М. М. Герасимовым

В одной из первых своих статей по палеоантропологии неолитического населения Прибайкалья Н. Н. Мамонова, основываясь на краниологических данных, приходит к выводу, что китойский этап выглядит инородной группой на фоне серовского и глазковского [Мамонова, 1973, с. 25]. Однако, в отличие от М. М. Герасимова, она сомневалась в том, что китойские комплексы предшествовали серовским, так как разница между ними была больше, чем между китойскими и глазковскими. Объяснение этому Н. Н. Мамонова видела в том, что происхождение китойцев связано с территорией Забайкалья (на что указывало определенное их сходство с изученной забайкальской группой), а локализация их могильников на небольшой территории Приангарья обусловлена недолговременным существованием в Прибайкалье, и таким образом она фактически соглашалась с идеями Л. П. Хлобыстина и В. Н. Чернецова о восточном генезисе китойской культуры [Там же, с. 26–28]. С одной стороны, данная работа Н. Н. Мамоновой, как и последующие ее исследования в этой области [Мамонова, 1973, 1980, 1983], не подтверждали в полной мере гипотезу М. М. Герасимова. С другой стороны, они, на основании межгрупповых различий территориального и хронологического порядка, формировали некоторые предпосылки для коррекции схемы А. П. Окладникова, в первую очередь в отношении роли китойского населения (отличавшегося от серовского и глазковского) в развитии прибайкальского неолита, а это не совсем соответствовало идее о непрерывном и последовательном развитии единой байкальской культуры.

К середине 1980-х гг., благодаря исследованиям Л. П. Хлобыстина, Г. М. Георгиевской, А. К. Конопацкого и Н. Н. Мамоновой, при некотором влиянии идей М. М. Герасимова, сложилось мнение, что китойская культура, имеющая корни в раннем неолите, существовала и развивалась параллельно серовской и могла участвовать в сложении глазковской. Это было на тот момент наиболее приемлемое объяснение тех противоречивых данных, которые фиксировались как по археологическим, так и по антропологическим данным. Но, разумеется, такое положение дел не могло удовлетворять

исследовательский интерес, учитывая стремительное развитие и внедрение методов естественных наук в археологию.

Широкие возможности, которые предоставлял археологам и антропологам перспективный метод радиоуглеродного датирования, позволили Н. Н. Мамоновой, в тесном сотрудничестве с Л. Д. Сулержицким (одним из создателей радиоуглеродной лаборатории в Геологическом институте РАН), приступить к разработке абсолютной хронологии прибайкальских погребений [Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989]. Результаты оказались неожиданными, в том числе, видимо, и для самой Н. Н. Мамоновой. Анализ 87 радиоуглеродных дат, полученных для погребений неолита и бронзового века Ангары, Верхней Лены и Приольхонья, вопреки ожиданиям, подтверждал схему М. М. Герасимова, а не А. П. Окладникова. В их числе были 14 определений для «классических» китойских погребений Южного Приангарья из могильников Усть-Белая, Шумилиха, Ярки, Локомотив, которые позволили впервые подтвердить исключительно ранненеолитический их возраст. В этой же статье были приведены 11 дат для ранних комплексов Фофановского могильника, которые М. М. Герасимов сближал с китойскими. Исаковские и серовские комплексы, считавшиеся ранними, оказались в действительности поздненеолитическими. Причем между ними и китойскими погребениями был отмечен хронологический разрыв около 1 тыс. лет [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Это событие, без преувеличения, стало научным прорывом, перевернувшим представления о хронологии прибайкальского неолита. С учетом имеющихся на тот момент возможностей калибровки радиоуглеродных дат возраст китойских комплексов был определен VI тыс. до н. э.

Тем не менее, понадобилось некоторое время, чтобы эта «радиоуглеродная революция» получила адекватную оценку, а ее результаты однозначно были приняты археологическим сообществом. Ряд ученых положительно отреагировал на результаты, полученные Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким. Например, исследователи китойского могильника Локомотив в г. Иркутске, опираясь на новые радиоуглеродные данные, стали датировать обнаруженные здесь погребения ранним неолитом [Воробьева, Базалийский, 1990; Базалийский, 1998]. Для юга Средней Сибири возраст китойских комплексов стал определяться по некалиброванным значениям радиоуглеродных датировок в интервале 8–5,5 тыс. л. н. [Савельев, Свинин, 1990, с. 119]. М. М. Герасимова также с удовлетворением отметила, что новые даты полностью подтвердили представления ее отца о возрасте китойских комплексов [Герасимова, 1992, с. 109]. Но были и такие, кто по инерции или в соответствии с собственными убеждениями, следовал сложившимся представлениям.

Среди них, в первую очередь, был Л. П. Хлобыстин, который отметил важность массового радиоуглеродного датирования для определения возраста китойских комплексов и призвал отказаться от схемы однолинейного развития неолитических культур Прибайкалья, поскольку новые исследования говорили о большей сложности исторического процесса [Хлобыстин,

1996, с. 271]¹⁶. Он в целом согласился с результатами исследования Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого и, рассматривая их с позиции собственного взгляда на проблему, отметил, что китайская культура может быть датирована ранним неолитом, но при этом «прибайкальских корней» не имеет и не может рассматриваться как генетически предшествующая исаковской культуре [Там же, с. 292].

В статье по корреляции материалов многослойного местонахождения Улан-Хада и одноименных могильников, раскопки которых велись в 1959 г. под руководством М. П. Грязнова, было озвучено, что ранние погребения этих могильников, связываемые с китайской культурой, синхронизируются с IX культуросодержащим горизонтом стоянки, который датируется развитым неолитом (конец IV – середина III тыс. до н. э.) [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 53, 55]¹⁷. Мысль о параллельном существовании в этот период китайских и серовских комплексов высказывалась первым автором указанной статьи, О. И. Горюновой, и позднее. Это подтверждалось, по ее мнению, находками «характерного китайского инвентаря» в комплексах развитого неолита многослойных местонахождений Приольхонья и Прибайкалья. При этом к оценке результатов радиоуглеродного датирования погребений следовало подходить критически [Горюнова, 2002, с. 38–41].

Еще один интересный взгляд на хронологию прибайкальского неолита, который сочетал множество высказанных в разное время гипотез, предложил Ю. С. Гришин. Он учел радиоуглеродные даты, полученные А. К. Конопацким, Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким, а также ряд определений для многослойных местонахождений Средней Сибири, и пришел к выводу, что китайская культура, которая сформировалась в раннем неолите (V–IV тыс. до н. э.), существовала на протяжении долгого времени параллельно с хиньскими, исаковскими и, возможно, серовскими комплексами и могла принимать участие в сложении глазковской культуры [Гришин, 2000, с. 57, 119, табл. 1; Гришин, 2004]. Близкая гипотеза была высказана И. В. Асеевым, который, правда, настолько широко раздвинул хронологические рамки для китайской культуры, что датировка ее уходила корнями в мезолит (вторая половина VII тыс. до н. э.), а верхняя граница в раннюю бронзу (начало II тыс. до н. э.). Причем территорией ее формирования, как ни странно, он считал Приольхонье [Асеев, 2002, с. 65].

Подобные настроения сохранялись вплоть до середины 2000-х гг. [см. напр.: Ивашина, 2006], пока не была опубликована новая серия радиоуглеродных дат (более 300 определений), полученных в рамках российско-канадского археологического проекта методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), которая полностью подтверждала результаты иссле-

¹⁶ В данном случае не стоит обращать внимание на год публикации, так как эта работа (раздел к коллективной монографии «Неолит Северной Евразии») была написана Л. П. Хлобыстиным незадолго до его смерти в 1988 г., а при датировке китайских погребений он опирался на первую публикацию Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого [1986].

¹⁷ Фактически эта идея является прямым развитием представлений Л. П. Хлобыстина и выводов О. И. Горюновой, к которым она пришла ранее на основе изучения материалов многослойных местонахождений Приольхонья [Горюнова, 1984, с. 16].

дования Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого и, благодаря более совершенной методике датирования, предлагала более четкие хронологические рамки для прибайкальских погребений неолита и раннего бронзового века. Для раннего неолита, к которому относились и китойские комплексы, был определен период ~8000–7000/6800 кал. л. н. [Radiocarbon dates ... , 2006; Weber, McKenzie, Beukens, 2010, p. 31, tab. 2.3]. Позднее, в результате анализа новой серии AMS-дат и глобальной ее корректировки с учетом пресноводного резервуарного эффекта, хронологические рамки сузились до интервала ~7500–7000 кал. л. н. [Chronology of middle Holocene ... , 2016, p. 90–91].

Коллеги – соперники – непримиримые оппоненты

Как видно из приведенного обзора, к «китойской проблеме» на протяжении долгой истории сибирского неолитоведения обращались многие исследователи, и каждый имел собственное, порой довольно оригинальное мнение по этому вопросу. Но наиболее значительный вклад в ее развитие внесли именно А. П. Окладников и М. М. Герасимов, отношения которых, впрочем, нельзя было назвать дружескими. Они были почти одного возраста (разница всего год), и оба являлись учениками Б. Э. Петри. Интеллигентный М. М. Герасимов, который со школьных лет участвовал в раскопках и пришел в кружок гораздо раньше А. П. Окладникова, был одним из любимых учеников Б. Э. Петри, ценившего его за творческую одаренность и увлеченность археологией и антропологией. К любознательному и очень активному деревенскому пареньку А. П. Окладникову Б. Э. Петри относился осторожнее, так как тот был одним из самых поздних кружковцев. Тем не менее, в 1928 г. Б. Э. Петри отмечал несомненные успехи обоих: «А. П. Окладников – самый молодой из всех моих учеников, работает у меня три года. Я полагаю, что ему еще несколько рано давать право на самостоятельные раскопки. Поэтому я возбудил через ВСОРГО ходатайство о выдаче ему открытого листа на право разведок. А. П. Окладников сам житель Лены; благодаря ему мы узнали о местонахождении 60 стоянок, преимущественно неолитических. Нынешним летом А. П. Окладников опять поедет к себе. Благодаря тесной связи с местным населением он успевает за лето сделать чрезвычайно много... Другой мой ученик, М. М. Герасимов, среди зимы открыл благодаря счастливому случаю (рыли подполье) в селе Мальта палеолитическую стоянку с чрезвычайно богатым (судя по разведке) содержанием...» [Сирина, 2002, с. 66].

Не совсем ясно, как складывались отношения А. П. Окладникова и М. М. Герасимова в первые годы их знакомства и какие события стали причиной их разногласий, как сложно сказать, был ли какой-то открытый конфликт между ними. В то время они были коллегами, работая в Иркутском музее, тесно общались, и произойти могло что угодно. С эмоциональной точки зрения, интерес представляет «романтическая» версия *cherchez la femme*, озвученная А. К. Конопацким. Как считала Е. А. Окладникова, М. М. Герасимов в молодости ухаживал за ее матерью, Верой Дмитриевной Запорожской, которая в итоге предпочла А. П. Окладникова. Сам

А. П. Окладников, как указывает А. К. Конопацкий, по этому поводу ничего не говорил, но отмечал, что М. М. Герасимов оказывал знаки внимания будущей матери Г. И. Медведева [Конопацкий, 2001, с. 105–106]. Однако, по словам Г. И. Медведева, за его матерью, Надеждой Степановной, ухаживал А. П. Окладников, а не М. М. Герасимов. В связи с этим крайне интересной представляется недавняя находка, случайно сделанная на просторах сети Интернет дочерью Г. И. Медведева Татьяной. На фотографии одной из конференций антирелигиозного движения «Союз воинствующих безбожников» она заметила родителей Г. И. Медведева – Ивана Васильевича и Надежду Степановну (рис. 15). При обсуждении этой фотографии в НИЦ «Байкальский регион» ИГУ мы уверенно опознали рядом с ними А. П. Окладникова, а это означает, что все они были не только хорошо знакомы, но, возможно, и дружны. В общем, мы имеем дело с довольно запутанной историей, где интересен сам по себе факт знакомства всех персонажей, который вполне мог привести к определенной конфликтной ситуации между А. П. Окладниковым и М. М. Герасимовым, которые, в свою очередь, были в хороших отношениях с матерью Г. И. Медведева. Но профессиональное соперничество двух молодых амбициозных ученых, по нашему мнению, сыграло в этой истории большую роль. Этому мнения придерживался и А. К. Конопацкий [Там же, с. 106–109].

Рис. 15. Общая фотография участников III районной конференции иркутского отделения «Союза воинствующих безбожников» (конец 1920-х – начало 1930-х гг.).

В центральном ряду, пятый справа (в кепке) – А. П. Окладников, выше него (стоит вполоборота) – В. Д. Запорожская (?). Справа от А. П. Окладникова – И. В. Медведев, под ним, в нижнем ряду – Н. С. Тюменцева (Медведева)

А. П. Окладников, который с первых своих дней после переезда много и увлеченно учился, работал, искал новые могильники и стоянки и мечтал о славе, не смог, вероятно, простить баловню судьбы М. М. Герасимову, с ка-

кой легкостью тот сделал самые замечательные свои открытия – нового китайского могильника Циклодром в Иркутске и уникального палеолитического поселения в Мальте. Значение этих событий, особенно раскопок в Мальте, ставших настоящей сенсацией, трудно было переоценить, и не было никаких сомнений, что они имеют не меньшее значение для сибирской археологии, чем открытия Китайского могильника Н. И. Витковским и Улан-Хады Б. Э. Петри. Тогда как достижения А. П. Окладникова и их резонанс были гораздо скромнее.

Вскоре случился «великий перелом», был распущен петринский кружок, закрыт университет, который вновь открылся через год, но без историко-филологического факультета, каждый выживал по-своему. Это был конец иркутской школы Б. Э. Петри в том виде, в котором она сформировалась и существовала на протяжении 1920-х гг. Многие понимали, что больших перспектив в Иркутске нет и в ближайшее время не будет, поэтому в 1932 г. к уехавшим ранее Г. П. Сосновскому и Г. Ф. Дебцу присоединился и М. М. Герасимов, перебравшись в Ленинград. А. П. Окладников также стремился в северную столицу и, видимо, чтобы привлечь на себя внимание в ГАИМК, опубликовал в этом же году рецензию на работу М. М. Герасимова по Мальте [Герасимов, 1931], критика которой вполне отвечала духу и стилю новой марксистской археологии [Окладников, 1932]. Он попытался уличить М. М. Герасимова в следовании традициям старой вещеведческой школы, а это было серьезным обвинением в те непростые для советской науки годы.

Таким образом, уже в самом начале 1930-х гг. этот конфликт был обозначен публично. Ответа со стороны М. М. Герасимова не последовало, что объяснялось, вероятно, нежеланием полемизировать в заданных рамках. Он провел новые раскопки в Мальте, где получил не менее впечатляющие результаты, изучил Фофановский могильник и увлекся разработкой антропологических методик, которые все меньше оставляли времени для занятий археологией. И только после публикации А. П. Окладниковым первого тома «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» М. М. Герасимов решился на публичное ему оппонирование, но уже не по Мальте, а по вопросу хронологии прибайкальского неолита, который его волновал не меньше. Возможно, он, как один из последних петринцев, видел в этом свою определенную миссию.

Первая и единственная открытая полемика между ними состоялась в 1960 г. на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, которая проходила в разных городах Сибири, в том числе и в Иркутске, где заседала секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Как было отмечено в хронике, «вокруг некоторых докладов развернулись прения. Большой интерес участников конференции вызвали выступления А. П. Окладникова и М. М. Герасимова, отстаивавших свои точки зрения по вопросам периодизации неолита Прибайкалья и вопросу о происхождении культуры восточносибирских палеолитических стоянок типа Мальты» [Андреев, Гришин, 1961]. Сухой официальный текст, конечно, не мог передать всего накала страстей, разгоревшегося в ходе той дискуссии, но, как известно, она была жаркой, и в итоге каждый остался при своем мнении. Однако это событие выполнило

важную функцию – мнение М. М. Герасимова было наконец услышано, – что сказалось в дальнейшем на развитии «китойской проблемы» исключительно положительным образом.

Обращаясь к сути разногласий между А. П. Окладниковым и М. М. Герасимовым по поводу хронологии неолита Прибайкалья, следует отметить, что оба изначально придерживались ошибочного представления о существовании на территории Прибайкалья единой автохтонной неолитической общности, которая последовательно развивалась на протяжении нескольких тысячелетий. Оба пришли к этому под влиянием идей Б. Э. Петри, Г. П. Сосновского, Г. Ф. Дебеца и других представителей иркутской школы, в основе которых лежали принципы эволюционного развития человеческого общества. Правда, у А. П. Окладникова, публично отрекшегося от «вульгарных буржуазных подходов», внешне они были умело замаскированы и интегрированы в стадиальную схему, отвечавшую современным требованиям марксистско-ленинской идеологии.

Но все же почему, анализируя те же данные, что и А. П. Окладников, М. М. Герасимов пришел к абсолютно противоположным выводам? Возможно, вопрос относительной и абсолютной хронологии неолитических погребений Прибайкалья, с учетом новых материалов, полученных при проведении ангарских экспедиций, обсуждался в узком кругу еще в 1930-е гг. Г. П. Сосновский, руководивший двумя экспедициями, а также принимавшие в них участие М. М. Герасимов и Б. Э. Петри были знакомы с результатами раскопок А. П. Окладникова, и мысль о более раннем возрасте китойских комплексов, которую зафиксировал в своих черновиках Г. П. Сосновский, вполне могла родиться в процессе совместного обсуждения. Но решающую роль в окончательном формировании представлений М. М. Герасимова сыграла его природная наблюдательность, поразительная интуиция и способность, пусть и не полностью выйти, но хотя бы на время шагнуть за рамки сложившихся стереотипов. Он обратил внимание на противоречивость некоторых данных в схеме А. П. Окладникова, сопоставил их с результатами собственных антропологических исследований и, исходя из его убежденности в последовательном развитии единой байкальской культуры, пришел к единственно верному на тот момент выводу. Но, если бы М. М. Герасимов опирался на источники, которые есть в нашем распоряжении сегодня, ему было бы гораздо сложнее, не имея серий радиоуглеродных дат, аргументировать отличие китойского этапа от глазковского. Например, изделия из белого нефрита, часто встречающегося в погребениях раннего бронзового века, известны теперь и у китойцев [Бердникова, Ветров, 2000; Ранненеолитический могильник ... , 2016], а наконечники стрел с вогнутым основанием (с выемкой), которые он считал характерными для исаковского, серовского и глазковского этапов, в большом количестве зафиксированы в китойских захоронениях того же Локомотива [Базалийский, 2010].

Время шло, корпус источников пополнялся, но А. П. Окладников не видел причин вносить какие-либо поправки в свою схему. Напротив, в середине 1970-х гг. он искал новые доводы в ее пользу, учитывая результаты

современных исследований, и дискутировал в большей степени уже не с М. М. Герасимовым, который к тому времени ушел из жизни, а с молодым поколением археологов, занимающихся неолитом Прибайкалья. Однако попытки эти выглядели не так убедительно, как раньше, и его ученики – Л. П. Хлобыстин, Г. М. Георгиевская, А. К. Конопацкий, – опираясь на новые данные, широко привлекая материалы многослойных местонахождений и используя первые радиоуглеродные даты, так или иначе пришли к выводу о самостоятельности китойской культуры, разойдясь лишь в вопросе ее генезиса. Несмотря на явное инакомыслие, все диссертанты успешно защитились и, надо отдать должное А. П. Окладникову, не испытывали с его стороны особого давления (во всяком случае нам такие факты неизвестны), хотя он обладал для этого всеми возможностями как административного, так и научного порядка.

История соперничества и противостояния двух выдающихся ученых своего времени – А. П. Окладникова и М. М. Герасимова – сегодня представляется не менее увлекательной, чем древняя история Прибайкалья и проблемы изучения самобытной китойской культуры. Их идеи оказали значительное влияние на развитие исследований сибирского неолита, а полные противоречий личные отношения никогда не выходили за рамки научной этики. К слову, А. П. Окладников после смерти М. М. Герасимова по достоинству оценил его вклад в археологические и палеоантропологические исследования, не вспоминая при этом о разногласиях, касавшихся неолита Прибайкалья, и был в своей оценке, как нам видится, абсолютно искренним [Окладников, Ларичев, 1971]. Оба они сыграли значительную роль в становлении новой сибирской археологии, но каждый по-своему. М. М. Герасимов, передав часть своих знаний и планов молодому поколению иркутских археологов во главе с Г. И. Медведевым, обеспечил преемственность традиций школы Б. Э. Петри, А. П. Окладников создал собственную школу в Новосибирске, которая сегодня является одной из ведущих в Сибири.

Не менее яркий след в истории прибайкальского неолитоведения оставила Н. Н. Мамонова, которая являет собой совершенно удивительный пример бескорыстного исследователя, преданного своему делу и неутомимо преследующего определенные цели. Опубликовав за всю свою научную карьеру всего 34 работы, так и не сумев защитить кандидатскую, она инициировала, по сути, «научную революцию» в отдельно взятом направлении – не менее важную, чем достижения в этой области А. П. Окладникова и М. М. Герасимова, – которая перевернула сложившиеся представления и оказала значительное влияние на исследования неолита Северной Евразии в целом.

Заключение

Подводя итоги нашему обзору, хотелось бы остановиться еще на нескольких вопросах, важных для понимания процессов, протекавших в сибирской археологии в XIX–XX вв. и определивших характер развития «китойской дискуссии».

Прибайкалье, получившее широкую известность в конце XIX – начале XX в. благодаря замечательным открытиям первой палеолитической стоянки, первого неолитического могильника и первого многослойного местонахождения в России, на долгие годы закрепило за собой статус одного из главных в Сибири исследовательских полигонов. Особая роль в этих открытиях была отведена ВСОИРГО и пытливым ссыльным поселенцам, которые с увлечением изучали богатые археологическими находками берега Ангары и Байкала. Значение работ этих «первопроходцев» сибирской археологии трудно переоценить, а некоторые их оригинальные идеи до сих пор не теряют своей актуальности.

Феномен китойской культуры сразу же привлек внимание ведущих российских археологов и долгие годы оставался центральной темой обсуждений. С новым витком археологических исследований, связанных с личностью Б. Э. Петри и его учеников, иркутская археология в 1920-х гг. вышла на качественно новый уровень, где особое место отводилось междисциплинарным исследованиям, что в свою очередь позволило приступить к первым в своем роде концептуальным разработкам культурно-хронологического характера. Однако события «великого перелома», оказавшие негативное влияние на всю советскую науку, привели в скором времени к уничтожению школы Б. Э. Петри, а затем и ряда ее представителей, включая идейного вдохновителя и организатора. В археологии 1930-х гг., насильственно переведенной на рельсы марксистско-ленинской (точнее, сталинской) идеологии, не было места вещеведению, краеведению и различного рода «буржуазным» антинаучным взглядам, да и статус самой археологии как самостоятельного исторического направления был под большим вопросом, так как теперь она была призвана служить общим идеям революционного развития общества.

В этих непростых для науки условиях кто-то приспособливался, кто-то старался быть менее заметным. Тот, кто не сумел перестроиться, пытался просто выжить, но не каждому это удалось. Разгром иркутского археологического центра нанес непоправимый ущерб исследованиям древних культур Прибайкалья, отголоски которого звучали еще несколько десятилетий. Одним из немногих, кто ни на год не прекращал раскопки, был А. П. Окладников, который сразу понял, насколько огромна освободившаяся ниша, которую при соответствующих времени подходах можно быстро освоить. Удивительный инстинкт самосохранения, воспитанный в тяжелые годы Гражданской войны в далеком ленском селе, позволил ему не только остаться в живых в годы репрессий и во время Великой Отечественной войны, но и достичь небывалых успехов на археологическом поприще. Его усилиями были изучены десятки новых памятников, включая погребальные комплексы нового типа (хиньского, исаковского, серовского), а также известное верхнепалеолитическое поселение вблизи села Буреть с предметами искусства, находящими близкие аналогии в мальтинских материалах. Вклад А. П. Окладникова в изучение прибайкальских древностей был огромен, но он не всегда был единоличным, и нам мало что известно о роли его соратников в этих исследованиях (того же И. В. Арембовского). Но в данном случае, наверное, не

следует искать злого умысла с его стороны, так как этот факт является лишь отражением общей тенденции тех лет, когда руководитель раскопок обладал первостепенным правом на публикацию результатов работ.

Первый вариант концепции А. П. Окладникова, отвечавший требованиям современного и самого что ни на есть революционного подхода в археологии – теории стадийности, в другом виде просто не мог быть опубликован в то время. Здесь сложно в чем-то упрекнуть шедшего в ногу со временем молодого амбициозного ученого. И в данном случае внешний облик схемы был неважен, так как главной оставалась проблема позиции китойской культуры (тогда еще стадии) в относительной хронологии прибайкальских погребений, которая была определена А. П. Окладниковым ошибочно. Отсутствие условий для обсуждения новых материалов, полученных им в 1930-х гг., в профессиональном кругу иркутских специалистов привело к тому, что концепция развития прибайкальского неолита утвердилась в таком виде, в каком она была сформулирована в монографии 1950 г. Если бы школа Б. Э. Петри еще функционировала, эта схема, с большой долей вероятности, приобрела бы другой вид. Несмотря на то что альтернативная версия М. М. Герасимова была озвучена в 1955 г., идеи А. П. Окладникова, оформившиеся еще в 1930-х гг., на протяжении еще как минимум 20 лет после выхода указанной монографии определяли развитие археологических исследований по неолиту Прибайкалья. М. М. Герасимову для создания убедительной аргументации своей гипотезы не хватало собственных наработок и фактических данных, а также смелости отказаться от привычных убеждений о последовательном развитии единой неолитической культуры.

Концепция А. П. Окладникова с глубоко заложенной идеологической основой, подкрепленная разнообразным фактическим материалом, множеством научных и популярных публикаций и высоким авторитетом ее автора, могла быть пересмотрена исключительно при наличии неопровержимых фактов, роль которых могли выполнить только данные естественно-научных методов датирования. Первые результаты, полученные во второй половине 1970-х гг., не смогли опровергнуть устоявшиеся представления, но способствовали трансформации схемы А. П. Окладникова и закреплению в разных вариациях идеи Л. П. Хлобыстина о широких хронологических рамках китойской культуры, изначально основанной на ошибочных данных. И только серия радиоуглеродных дат, опубликованных в 1980-х гг. Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким, позволила наконец подвести предварительные итоги дискуссии и выяснить правоту М. М. Герасимова. К сожалению, ни он, ни А. П. Окладников не дожили до этого момента. Потребовалось еще 20 лет, чтобы окончательно подтвердить данные Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого, но результаты их исследований навсегда останутся в истории как первая «радиоуглеродная революция» в сибирской археологии.

На современном этапе исследований, когда вопрос с хронологической позицией китойских погребальных комплексов, можно сказать, решен, на первый план выходят вопросы иного порядка, требующие, в том числе, широкого использования методов естественных наук: происхождение и исчезновение китойского населения, проблемы корреляции материалов захоронений

и стоянок раннего неолита, связи китойцев с населением Прибайкалья и сопредельных территорий по данным палеогенетики, изучение диеты и миграций отдельных групп при помощи анализа стабильных изотопов, проблема пресноводного резервуарного эффекта и его влияния на определение возраста организмов и т. д. Возможно, современные работы по неолиту Прибайкалья через несколько десятков лет будут пристально разобраны нашими вдумчивыми потомками, владеющими новыми, более совершенными методиками исследований, которые позволят внести значительные уточнения в представления, кажущиеся сегодня нам довольно обоснованными. Но это сейчас не важно. Главное, чтобы любые такие изменения были обусловлены естественными процессами развития науки и не зависели от идеологических установок, формирующихся в угоду политической конъюнктуры.

Благодарности

Выражаю глубокую благодарность Н. Е. Бердниковой за участие в обсуждении некоторых вопросов и возможность ознакомиться с ее выписками из архива Г. П. Сосновского, а также К. А. Крутиковой и Н. Б. Соколовой за помощь в оформлении списка литературы.

Список литературы

- Андреев Г. И., Гришин Ю. С. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока // СА. 1961. № 1. С. 312–316.
- Арембовский И. В. На заре истории Прибайкалья. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1940. 60 с.
- Асеев И. В. Китайская культура в неолите Байкальского региона и прилегающих территорий: вопросы хронологии, районы миграции ее носителей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 59–70.
- Базалийский В. И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 10–18.
- Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника Локомотив // Известия лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 1 (8). С. 39–53.
- Базалийский В. И., Тетенькин А. В., Харинский А. В. Иркутск археологический // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 8–27.
- Бердникова Н. Е., Ветров В. М. Новый ранненеолитический могильник в устье р. Белой (Байкальская Сибирь) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. 1 : Археология. Этнология. С. 44–50.
- Борисковский П. И., Окладников А. П. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя // Против вульгаризации марксизма в археологии. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 70–93.
- Бортвин Н. Н. Из области древней сибирской керамики // Записки отдела Русского археологического общества. 1915. Т. 11. С. 173–190.
- Брюсов А. Я. А. П. Окладников. Неолит и Бронзовый век Прибайкалья. М. ; Л., 1950 (МИА. Вып. 18) // ВДИ. 1951. № 4 (38). С. 155–161.
- Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества в июле 1880 г. // Известия ВСОИРГО. 1881. Т. 11, № 3–4. С. 1–12.

Витковский Н. И. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Известия. ВСОИРГО. 1882. Т. 13, № 1–2. С. 1–36.

Воробьева Г. А., Базалийский В. И. Неолитический могильник «Локомотив» // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. Иркутск : Иркут. ун-т, 1990. С. 77–81.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 174 с.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск : Наука, 1989. 152 с.

Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Резюме работ 1928/29 гг. Иркутск : Изд. Краевого музея, 1931. 34 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 23–48.

Герасимова М. М. «Герасимиды» // Вестник антропологии. 2015. № 2 (30). С. 5–22.

Герасимова М. М. Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) [каменный – бронзовый века] // Древности Байкала. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 97–111.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославле. М., 1907. Т. I. С. 211–285.

Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Императорского русского исторического музея за 1914 г. М. : Синодальная типография, 1915. С. 121–224.

Городцов В. А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. Ст. 610–626.

Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 84 с.

Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселения и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 41–56.

Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М. : Ин-т археологии РАН, 2000. 128 с.

Гришин Ю. С. Китайская проблема: история ее изучения и современное состояние. К вопросу о сложении глазковской раннебронзовой культуры Прибайкалья // Памятники археологии и древнего искусства Евразии : сб. ст. памяти Виталия Васильевича Волкова / отв. ред. А. Н. Гей. М. : ИА РАН, 2004. С. 139–145.

Дебец Г. Ф. Антропологический состав Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. 1930. Т. 19, № 1–2. С. 7–50.

Зубков В. С. К проблеме выделения и интерпретации археологических культур в неолите и раннем бронзовом веке Прибайкалья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 48–54.

Ивашина Л. Г. О проблеме китайской культуры (к истории исследования проблемы) // Известия лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 1 (4). С. 9–14.

Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. Т. 2. 626 с.

Конопацкий А. К. Археологические исследования на Ольхоне // Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук. 1978. № 6, вып. 2. С. 123–125.

Конопацкий А. К. Древние памятники о. Ольхона и Приольхонья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 18 с.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала: (о. Ольхон). Новосибирск : Наука, 1982. 176 с.

Конопацкий А. К. Прошлого великий следопыт: академик А.П. Окладников: страницы биографии. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. 492 с.

- Константинов Г. М. К материалам по изучению ангарского неолита // Изв. ВСОРГО. 1928. Т. 54. С. 83–94.
- К отчету о летних занятиях // Известия ВСОИРГО. 1881. Т. 11, № 3–4. С. 12–13.
- Лебедев Г. С. История отечественной археологии 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.
- Мамонова Н. Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 64–88.
- Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. С. 88–103.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. С. 15–20.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкальской эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.
- Обзор прений по докладу на Совещании по этногенезу народов Севера (28–29 мая 1940 г. [в ОИФ]) // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 129–132.
- Овчинников М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска // Известия ВСОИРГО. 1906. Т. 35, № 3. С. 62–76.
- Окладников А. П. Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в Иркутской губернии: Зап. студ. науч. кружка краеведения при Иркут. гос. ун-те. 1926. № 3. С. 29–38.
- Окладников А. П. Предварительные сообщения об археол. разведках в окрест. Кабанска // Бурятоведческий сб. 1927. Вып. 3–4. С. 102–105.
- Окладников А. П. Неолитический могильник в местности «Хапцагай» (Верхняя Лена) // Изв. ВСОРГО. 1928а. Т. 53. С. 125–134.
- Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928б. № 3 (21). С. 63–69.
- Окладников А. П. За методологию диалектического материализма в истории классового общества // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 66–70.
- Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 244–260.
- Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Части 1 и 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 412 с. (МИА; № 18)
- Окладников А. П. Письмо в редакцию // ВДИ. 1952. № 4 (42). С. 199–201.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть 3: Глазовское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 377 с. (МИА; № 43)
- Окладников А. П., Ларичев В. Е. Памяти М. М. Герасимова // Изв. СО АН СССР. 1971. № 1, вып. 1. С. 146–147.
- Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары: (от Щукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 319 с.
- Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука, 1975. 319 с.
- Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск: газ. "Красный бурят-монгол", 1922. 43 с.
- Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск, 1926. 40 с.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья: научно-популярный очерк. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск, 1928. 73 с.

Подгорбунский В. И. К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1916. Т. XVIII, вып. 4. 34 с.

Подгорбунский В. И. Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов // Труды I Сибирского научно-исследовательского съезда. Иркутск, 1928. Т. 6. С. 226–236

Подгорбунский В. И. Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска летом 1924 года // Изв. ВСОРГО. 1929. Т. 54. С. 95–102.

Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) / В. И. Базалийский, А. Р. Ливерс, К. М. Хаверкорт, Д. В. Пежемский, А. А. Тютрин, Г. В. Туркин, А. В. Вебер // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. № 4. С. 80–103.

Ранненеолитический могильник Моты – Новая Шаманка в долине р. Иркут / В. И. Базалийский, С. А. Песков, А. А. Щетников, А. А. Тютрин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология, Этнология, Антропология. 2017. № 18. С. 40–72.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Савельев Н. А., Свинин В. В. К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. Иркутск : Иркут. ун-т, 1990. С. 113–120.

Свинин В. В. Археология озера Байкал : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1970. 209 с.

Свинин В. В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСОГО СССР. 1976. Т. 69. С. 167–179.

Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. М. : Вост. лит., 2002. Вып. 1. С. 57–80.

Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1. С. 121–139.

Сосновский Г. П. Остатки доисторического прошлого у села Распутина на реке Ангаре. Иркутск : Иркут. научный музей, 1924. 7 с.

Сосновский Г. П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 210–222.

Сосновский Г. П. Замечания по диссертации А. П. Окладникова «Неолитические погребения в долине р. Ангары» // Архив ИИМК РАН. 1938. Ф. 42. Д. 46. 67 л.

Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании. М. : б/и, 1950а. 16 с.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950б. 115 с

Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93–99.

Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Археология. Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. С. 270–328.

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (Остров Ольхон). Иркутск : б/и., 1924. 50 с.

Чернецов В. Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ООН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 10–17.

Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect / A. W. Weber, R. J. Schulting, C. B. Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian. Radiocarbon / A. W. Weber, R. R. Beukens, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. A. Saveliev // Radiocarbon. 2006. Vol. 48. P. 127–166.

Weber A. W., McKenzie H. G., Beukens R. Radiocarbon Dating of Middle Holocene Culture History in Cis-Baikal // Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. P. 27–49.

Neolithic of the Cis-Baikal: the story of one discussion

I. M. Berdnikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. In this study, we tried to understand the nuances of discussion about the age and role of Kitoi culture in the Cis-Baikal Neolithic. The main source for studying this culture was the burial complexes concentrated in the mouths of the Irkut, Kitoi and Belaya rivers (large tributaries of the Upper Angara). We considered the “Kitoi problem” with the greatest possible objectivity through the prism of two main views of A. P. Okladnikov and M. M. Gerasimov. Their chronological schemes differed sharply; at the same time, they were based on a misconception about the consistent development of a single Neolithic community for several millennia. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, Irkutsk archaeologists believed that the Kitoi burials are associated with the Late Neolithic. A. P. Okladnikov created the first cultural and chronological concept for Neolithic of the Cis-Baikal, based on the materials of burial grounds, where the Kitoi burials belonged to the Late Neolithic (the boundary of the 3rd and 2nd millennia BC). M. M. Gerasimov did not agree with this opinion and dated them to the Early Neolithic. In the 1960–1970s, the first change of the A. P. Okladnikov scheme took place. His students (L. P. Khlobystin, G. M. Georgievskaya and A. K. Konopatskii) proposed to determine the age of Kitoi culture in a wide chronological framework from the end of the 5th to the beginning of the 2nd millennium BC. For the first time, convincingly substantiating its age and proving the correctness of M. M. Gerasimov was possible only in the mid-1980^s, when N. N. Mamonova and L. D. Sulerzhitskii received a large series of radiocarbon dates, which confirmed the correctness of M. M. Gerasimov and allowed to date the Kitoi culture to the Early Neolithic. This event can be called the first Siberian “radiocarbon revolution”, which radically changed the prevailing ideas about the development of the Cis-Baikal Neolithic. 20 years later, in progress of the “Baikal archaeological project” (BAP) headed by A. W. Weber, the first AMS dating of Kitoi burials was carried out, which, in turn, fully confirmed the data of the 1980s. A few years ago, BAP members, when dating the burials, revealed a freshwater reservoir effect. This made it possible to correct the radiocarbon data and determine the age of the Early Neolithic burials in Cis-Baikal (including the Kitoi) group, in the range of ~7500–7000 cal BP. But the study by N. N. Mamonova and L. D. Sulerzhitskii still played a crucial in the revision of A. P. Okladnikov scheme.

Keywords: Cis-Baikal, Neolithic, burial complexes, Kitoi culture, radiocarbon dating.

For citation: Berdnikov I. M. Neolithic of the Cis-Baikal: the Story of One Discussion. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 26, pp. 3–45. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.3> (in Russ.)

References

- Andreev G. I., Grishin Yu. S. Nauchnaya konferentsiya po istorii Sibiri i Dalnego Vostoka [Scientific Conference on the History of Siberia and the Far East]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1961, Vol. 1, pp. 312–316. (In Russ.)
- Arembovskii I. V. *Na zare istorii Pribaikaliya* [At the dawn of the history of Cis-Baikal]. Irkutsk, Irkutsk Regional Publ. House, 1940, 60 p. (In Russ.)
- Aseev I. V. Kitoiskaya kultura v neolite Baikalskogo regiona i privileyushchikh territorii: voprosy khronologii, raiony migratsii ee nositelei [Kitoi culture in the Neolithic of the Cis-Baikal and neighboring territories: issues of chronology and migration areas of its carriers].

Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2002, Vol. 2 (10), pp. 59–70. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I. K probleme khronologicheskoi i prostranstvennoi interpretatsii pogrebenii epokhi rannego neolita na territorii Baikalskoi Sibiri [On the problem of chronological and spatial interpretation of the Early Neolithic burials on the territory of Baikal Siberia]. *Paleoekologiya pleistotsena i kultury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredelnykh territorii [Paleoecology of the Pleistocene and the culture of Stone Age in the North Asia and neighboring territories]*. Novosibirsk, IAET Publ., 1998, Vol. 2, pp. 10–18. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I. Morfotipologicheskii analiz kamennykh nakonechnikov strel mogilnika Lokomotiv [Morphotipological analysis of stone arrowhead of the Lokomotiv burial ground]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2010, Vol. 1 (8), pp. 39–53. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Livers A. R., Khaverkort K. M., Pezhemskii D. V., Tyutrin A. A., Turkin G. V., Weber A. V. Ranneneoliticheskii kompleks pogrebenii mogilnika Shamanka 2 (po materialam raskopok 1998–2003 gg.) [Early Neolithic burial complex of the Shamanka 2 burial ground (based on excavations 1998–2003)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2006, Vol. 4, pp. 80–103. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Peskov S. A., Shchetnikov A. A., Tyutrin A. A. The Moty – Novaya Shamanka Early Neolithic Cemetery in the Irkut River Valley. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarcheology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2017, Vol. 18, pp. 40–72. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Tetenkin A. V., Kharinskii A. V. Irkutsk arkheologicheskii [Irkutsk Archaeological]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History]*. 2016, Vol. 16, pp. 8–27. (In Russ.)

Berdnikova N. E., Vetrov V. M. Novyi ranneneoliticheskii mogilnik v ustie r. Beloi (Baikalskaya Sibir) [New Neolithic burial ground at the mouth of the Belaya River (Baikal Siberia)]. *Problemy istorii i kultury kochevykh tsivilizatsii Tsentralnoi Azii [Problems of the history and culture of the nomadic civilizations of Central Asia]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, pp. 44–50. (In Russ.)

Boriskovskii P. I., Okladnikov A. P. O preodolenii vulgarizatorskikh psevdomarksistskikh kontseptsii N. Ya. Marra v izuchenii rannikh etapov razvitiya pervobytno-obshchinnogo stroya [On overcoming the vulgarizing pseudo-Marxist concepts of N. Ya. Marr in the study of early stages of the primitive society's development]. *Protiv vulgarizatsii marksizma v arkheologii [Against the vulgarization of Marxism in archaeology]*. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pp. 70–93. (In Russ.)

Bortvin N. N. Iz oblasti drevnei sibirskoi keramiki [From the field of ancient Siberian ceramics]. *Zapiski otdela Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the department of Russian Archaeological Society]*. 1915, Vol. 11, pp. 173–190. (In Russ.)

Bryusov A. Ya. A. P. Okladnikov. Neolit i Bronzovyi vek Pribaikaliya. M.–L., 1950 (MIA. Vyp. 18) [A. P. Okladnikov. Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal. Moscow, Leningrad, 1950 (MRA. Is. 18). *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]*. 1951, Vol. 4 (38), pp. 155–161. (In Russ.)

Chernetsov V. N. Etno-kulturnye arealy v lesnoi i subarkticheskoi zonakh Evrazii v epokhu neolita (doklad, pročitannyi na sessii OIN v marte 1970 g.) [Ethno-cultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia during the Neolithic (report read at the OIN session in March 1970)]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri [Problems of archaeology of the Urals and Siberia]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 10–17. (In Russ.)

Debets G. F. Antropologicheskii sostav naseleniya Pribaikaliya v epokhu pozdnego neolita [Anthropological composition of the Cis-Baikal population in the Late Neolithic]. *Russkii antropologicheskii zhurnal [Russian anthropological journal]*. 1930, Vol. 19, Is. 1–2, pp. 7–50. (In Russ.)

Georgievskaya G. M. *Kitoiskaya kultura Pribaikaliya : dis. ... kand. ist. nauk [Kitoi culture of the Cis-Baikal. Cand. histor. sci. diss.]*. Novosibirsk, 1979, 174 p. (In Russ.)

Georgievskaya G. M. *Kitoiskaya kultura Pribaikaliya [Kitoi culture of the Baikal region]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 152 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M. *Malta. Paleoliticheskaya stoyanka (predvaritelnye dannye). Rezultat rabot 1928/29 gg.* [Malta. Paleolithic site (preliminary data). Result of the work of 1928/29]. Irkutsk, Regional Museum Publ., 1931, 34 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyi chelovek)* [Facial reconstruction on the skull (modern and fossil man)]. Moscow, AS USSR, 1955, 585 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M., Chernykh E. N. Raskopki Fofanovskogo mogilnika v 1959 g. [Excavations of the Fofanovo burial ground in 1959]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [Prehistoric archaeology of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 23–48. (In Russ.)

Gerasimova M. M. Cherepa iz Fofanovskogo mogilnika (r. Oka, Selenga) (kamennyy – bronzovyy veka) [Skulls from the Fofanovo burial ground (Oka, Selenga river) (Stone and Bronze ages)]. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk, 1992, pp. 97–111. (In Russ.)

Gerasimova M. M. “Gerasimidy” [“Gerasimids”]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2015, Vol. 2 (30), pp. 5–22. (In Russ.)

Gorodtsov V. A. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy v Bakhmutskom uezde Ekaterinoslavskoi gubernii v 1903 g. [The results of archaeological research in the Bakhmut district of Ekaterinoslav province in 1903]. *Trudy 13 Arkheologicheskogo syezda v Ekaterinoslavle* [Proceedings of the 13th Archaeological Congress in Ekaterinoslav]. Moscow, 1907, Vol. 1, pp. 211–285. (In Russ.)

Gorodtsov V. A. *Kultura bronzovoi epokhi v Srednei Rossii. Otchet Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeya za 1914 g.* [Culture of the Bronze Age in Central Russia. Report of the Imperial Russian History Museum for 1914]. Moscow, Synodal printing house, 1915, pp. 121–224. (In Russ.)

Gorodtsov V. A. Bronzovyy vek na territorii SSSR [Bronze Age on the territory of USSR]. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1927, Vol. 7, pp. 610–626. (In Russ.)

Goriunova O. I. *Mnogosloynye pamyatniki Malogo morya i o. Olkhon: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Multilayer sites of the Small Sea and the Olkhon island. Cand. histor. sci. syn. diss.]. Novosibirsk, 1984, 17 p. (In Russ.)

Goriunova O. I. *Drevnie mogilniki Pribaikaliya (neolit – bronzovyy vek)* [Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic and Bronze Age)]. Irkutsk, ISU Publ., 2002, 84 p. (In Russ.)

Goriunova O. I., Khlobystin L. P. Datirovka kompleksov poseleniya i pogrebenii bukhty Ulan-Khada [Dating of the settlement and burials complexes of Ulan-Khada Bay]. *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk, 1992, pp. 41–56. (In Russ.)

Grishin Yu. S. *Problemy periodizatsii neolita i eneolita Pribaikaliya i Zabaikaliya* [Issues of periodization of the Neolithic and Eneolithic in the Cis-Baikal and Transbaikalia]. Moscow, Staryi sad Publ., 2000, 128 p. (In Russ.)

Grishin Yu. S. Kitoiskaya problema: istoriya ee izucheniya i sovremennoe sostoyanie. K voprosu o slozhenii glazkovskoi rannebronzovoi kultury Pribaikaliya [Kitoi problem: the history of its study and current status. On the origin of the Glazkovo Early bronze culture of the Cis-Baikal]. *Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii : sbornik statei pamyati Vitaliya Vasilievicha Volkova* [Monuments of Eurasia archaeology and ancient art: a collection of articles in memory of Vitalii Vasilievich Volkov]. Moscow, IA RAS Publ., 2004, pp. 139–145. (In Russ.)

Ivashina L. G. O probleme kitoiskoi kultury (k istorii issledovaniya problemy) [On the problem of the Kitoi culture (the history of study the problem)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2006, Vol. 1 (4), pp. 9–14. (In Russ.)

Khlobystin L. P. *Mnogosloinoe poselenie Ulan-Khada na Baikale* [Multilayered settlement Ulan-Khada on Lake Baikal]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 1964, Vol. 97, pp. 25–32. (In Russ.)

Khlobystin L. P. *Vozrast i sootnoshenie neoliticheskikh kultur Vostochnoi Sibiri* [Age and correlation of the Neolithic cultures of Eastern Siberia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta*

arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 1978, Vol. 153, pp. 93–99. (In Russ.)

Khlobystin L. P. Vostochnaya Sibir i Dalnii Vostok [Eastern Siberia and the Far East]. *Arkheologiya. Neolit Severnoi Evrazii* [Archaeology. Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 270–328. (In Russ.)

Khoroshikh P. P. *Issledovaniya kamennogo i zheleznogo veka Irkutskogo kraia (Ostrov Olkhon)* [Research of the Stone and Iron Age of the Irkutsk region (Olkhon Island)]. Irkutsk, 1924, 50 p. (In Russ.)

Klein L. S. *Istoriya arkheologicheskoi mysli* [History of archaeological thought]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2011, Vol. 2, 626 p. (In Russ.)

Konopatskii A. K. Arkheologicheskie issledovaniya na Olkhone [Archaeological research on Olkhon]. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of the SB AS USSR. Social Sciences Series]. 1978, Vol. 6, Is. 2, pp. 123–125. (In Russ.)

Konopatskii A. K. *Drevnie pamyatniki o. Olkhona i Priolkhoniya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ancient monuments of the Olkhon Island and Olkhon Region. Cand. histor. sci. syn. diss.]. Novosibirsk, 1979, 18 p. (In Russ.)

Konopatskii A. K. *Drevnie kultury Baikala (o. Olkhon)* [Ancient cultures of Baikal (Olkhon Island)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 176 p. (In Russ.)

Konopatskii A. K. *Proshlogo velikii sledopyt: akademik A. P. Okladnikov: stranitsy biografii* [The great explorer of the Past. Academician A. P. Okladnikov: pages of a biography]. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., 2001, 492 p. (In Russ.)

Konstantinov G. M. K materialam po izucheniyu angarskogo neolita [To the materials for the study of Angara Neolithic]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. 1928, Vol. 54, pp. 83–94. (In Russ.)

Lebedev G. S. *Istoriya otechestvennoi arkheologii 1700–1971 gg.* [History of Russian Archeology 1700–1971]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1992, 464 p. (In Russ.)

K otchetu o letnikh zanyatiyakh [To the report on summer activities]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1881, Vol. 11, Is. 3–4, pp. 12–13. (In Russ.)

Mamonova N. N. K voprosu o drevnem naselenii Priangariya po paleoantropologicheskim dannym [To the question of the ancient population of Angara region according to paleoanthropological data]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archaeology of the Urals and Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 18–28. (In Russ.)

Mamonova N. N. Drevnee naselenie Angary i Leny v serovskoe vremya po dannym paleoantropologii (K voprosu o mezhhruppovykh razlichiyakh v epokhu neolita) [The ancient population of Angara and Lena in the Serovo time according to paleoanthropological data (On the intergroup differences in the Neolithic)]. *Paleoantropologiya Sibiri* [Paleoanthropology of Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 64–88. (In Russ.)

Mamonova N. N. K voprosu o mezhhruppovykh razlichiyakh v neolite Pribaikaliya [On the intergroup differences in the Cis-Baikal Neolithic]. *Voprosy antropologii* [Anthropology Issues]. 1983, Vol. 71, pp. 88–103. (In Russ.)

Mamonova N. N., Sulerzhitskii L. D. Vozrast nekotorykh neoliticheskikh i eneoliticheskikh pogrebenii Pribaikaliya po radiouglerodnym dannym [Age of some Neolithic and Eneolithic burials of Cis-Baikal on the radiocarbon data]. *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy)* [Archaeological and ethnographic studies of Eastern Siberia (Results and prospects)]. Irkutsk, 1986, pp. 15–20. (In Russ.)

Mamonova N. N., Sulerzhitskii L. D. Opyt datirovaniya po ¹⁴C pogrebenii Pribaikaliya epokhi golotsena [Experience of ¹⁴C-dating of the Holocene Cis-Baikal burials]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1989, Vol. 1, pp. 19–32. (In Russ.)

Obzor preniy po dokladam na Soveshchanii po etnogenezu narodov Severa (28–29 maya 1940 g. [v OIF]) [Review of debate on the reports at the Conference for Ethnogenesis of the Peoples of North (May 28–29, 1940 [in OIF])]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii materi-*

alnoi kultury [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. 1941, Vol. 9, pp. 129–132. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie stoyanki na Verkhnei Lene [Neolithic sites on the Upper Lena]. *Kraevedenie v Irkutskoi gubernii: Zapiski studencheskogo nauchnogo krugha kraevedeniya pri Irkutskom gosudarstvennom universitete* [Local history in the Irkutsk province: Notes of the student scientific circle of local history of the Irkutsk State University]. 1926, Vol. 3, pp. 29–38. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Predvaritelnye soobshcheniya ob arkheologicheskikh razvedkakh v okrestnostyakh Kabanska [Preliminary reports on archaeological research in the vicinity of Kabansk]. *Buryatovedcheskii sbornik* [Buryats' study collection]. 1927, Vol. 3–4, pp. 102–105. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie mogilnik v mestnosti «Khaptasgai» (Verkhnyaya Lena) [Neolithic burial ground in the area “Khaptasgai” (Upper Lena)]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. 1928a, Vol. 53, pp. 125–134. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Sledy doistoricheskikh kultur na severe Selenginskoi Daurii [Traces of prehistoric cultures in the north of Selenga Dauria]. *Severnaya Aziya* [North Asia]. 1928b, Vol. 3 (21), pp. 63–69. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Za metodologiyu dialekticheskogo materializma v istorii doklassovogo obshchestva [For the methodology of dialectical materialism in the history of pre-class society]. *Soobshcheniya GAIMK* [Reports of SAHMC]. 1932, Vol. 3–4, pp. 66–70. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Arkheologicheskie dannye o drevneishei istorii Pribaikaliya [Archaeological data on the Cis-Baikal ancient history]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]. 1938, Vol. 1 (2), pp. 244–260. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie pamyatniki kak istochniki po etnogenii Sibiri i Dalnego Vostoka [Neolithic monuments as sources on the ethnogony of Siberia and the Far East]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii materialnoi kultury* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. 1941, Vol. 9, pp. 5–14. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Chast 1 i 2 [Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal. Historical and archaeological research. Part 1 and 2]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, 412 p. (Materials and research on archaeology, Is. 18). (In Russ.)

Okladnikov A. P. Pismo v redaktsiyu [Letter to the editors]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]. 1952, Vol. 4 (42), pp. 199–201. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Chast 3 : Glazkovskoe vremya [Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal. Historical and archaeological research. Part 3: Glazkovo time]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, 377 p. (Materials and research on archeology, № 43). (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie pamyatniki Angary: (ot Shchukino do Bureti) [Neolithic monuments of Angara (from Shchukino to Buret)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 319 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie pamyatniki Srednei Angary (ot ustyia r. Beloi do Ust-Udy) [Neolithic monuments of Middle Angara (from the mouth of Belaya river to Ust-Uda)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 319 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Neoliticheskie pamyatniki Nizhnei Angary: (ot Serovo do Bratska) [Neolithic monuments of Lower Angara (from Serovo to Bratsk)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 328 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P., Larichev V. E. Pamyati M. M. Gerasimova [In memory of M. M. Gerasimov]. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of the SB AS USSR. Social Sciences Series]. 1971, Vol. 1, Is. 1, pp. 146–147. (In Russ.)

Ovchinnikov M. P. Materialy dlya izucheniya pamyatnikov drevnostei v okrestnostyakh Irkutsk [Materials for the study of antiquities in the vicinity of Irkutsk]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1906, Vol. 35, Is. 3, pp. 62–76. (In Russ.)

Petri B. E. *Dalekoe proshloe Buryatskogo kraya* [The distant past of the Buryat region]. Irkutsk, Krasnyi Buryat-Mongol Publ., 1922, 43 p. (In Russ.)

Petri B. E. *Sibirskii neolit* [Siberian Neolithic]. Irkutsk, Vlast Truda Publ., 1926, 40 p. (In Russ.)

Petri B. E. *Dalekoe proshloe Pribaikaliya: nauchno-populyarnyi ocherk* [The distant past of the Cis-Baikal: a popular science essay]. Irkutsk, 1928, 73 p. (In Russ.)

Podgorbunskii V. I. K voprosu o piktografii doistoricheskogo naseleniya Sibiri [On the pictography of the Siberian prehistoric population]. *Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Naturalists at the Imperial Kazan University]. 1916, Vol. 18, Is. 4, 34 p. (In Russ.)

Podgorbunskii V. I. Voprosy arkheologicheskikh izyskaniy v predelakh Pribaikaliya i prilegayushchikh k nemu raionov [Issues of archaeological research within the Cis-Baikal and neighboring areas]. *Trudy 1 Sibirskogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda* [Proceedings of the 1st Siberian Research Congress]. Irkutsk, 1928, Vol. 6, pp. 226–236. (In Russ.)

Podgorbunskii V. I. Raskopki v Gorokhovo, okrestnosti Irkutskaya letom 1924 goda [Excavations in Gorokhovo, Irkutsk environs in the summer of 1924]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. 1929, Vol. 54, pp. 95–102. (In Russ.)

Sirina A. A. *Zabytye stranitsy sibirskoi etnografii: B. E. Petri* [Forgotten Pages of Siberian Ethnography: B. E. Petri]. *Repressirovannyye etnografy* [Repressed ethnographers]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, Vol. 1, pp. 57–80. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. K arkheologii Angarskogo kraya [To the archaeology of the Angara Region]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian living antiquity]. 1923, Vol. 1, pp. 121–139. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. *Ostatki doistoricheskogo proshlogo u sela Rasputina na reke Angare* [The remains of the prehistoric past near the Rasputino village on the Angara river]. Irkutsk, Irkutsk Science Museum Publ., 1924, 7 p. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. Drevneishie sledy skotovodstva v Pribaikalie [The oldest traces of cattle breeding in the Baikal region]. *Izvestiya GAIMK* [News of SAHMC]. 1933, Vol. 100, pp. 210–222. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. Zamechaniya po dissertatsii A. P. Okladnikova «Neoliticheskie pogrebeniya v doline r. Angary» [Comments on the A. P. Okladnikov dissertation “Neolithic burials in the Angara river valley”. *Arkhiv IIMK RAN* [Archive of IHMC RAS]. Fund 42, Affair 46, 67 p. (In Russ.)

Stalin I. V. *Otnositelno marksizma v yazykoznanii* [Regarding Marxism in Linguistics]. Moscow, 1950, 16 p. (In Russ.)

Stalin I. V. *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and Problems of Linguistics]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1950, 115 p. (In Russ.)

Svinin V. V. *Arkheologiya ozera Baikal: dis. ... kand. ist. nauk* [Archaeology of Lake Baikal. Cand. histor. sci. diss]. Novosibirsk, 1970. 209 p. (In Russ.)

Svinin V. V. Periodizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov Baikala [Periodization of the archaeological sites of Baikal]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya geograficheskogo obshchestva SSSR* [News of the East Siberian Branch of Geographical Society of the USSR]. 1976, Vol. 69, pp. 167–179. (In Russ.)

Vitkovskii N. I. Kratkii otchet o raskopke mogily kamennogo perioda v Irkutskoi gubernii, proizvedennoi po porucheniyu Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva v iyule 1880 g. [A brief report on the excavation of a Stone Age grave in the Irkutsk province, commissioned by the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society in July 1880]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1881, Vol. 11, Is. 3–4, pp. 1–12. (In Russ.)

Vitkovskii N. I. Otchet o raskopke mogil kamennogo veka v Irkutskoi gubernii, na levom beregu r. Angary, proizvedennoi letom 1881 g. [Report on the excavation of Stone Age graves in the Irkutsk province, on the left bank of Angara river, made in the summer of 1881]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo ob-*

shchestva [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1882, Vol. 13, Is. 1–2, pp. 1–36. (In Russ.)

Vorobieva G. A., Bazaliiskii V. I. Neoliticheskii mogilnik “Lokomotiv” [Neolithic burial ground “Lokomotiv”]. *Stratigrafiya, paleogeografiya i arkheologiya yuga Srednei Sibiri: K XIII Kongressu INKVA* [The stratigraphy, paleogeography and archaeology of South of Middle Siberia: to the 13 Congress of INQUA]. Irkutsk, 1990, pp. 77–81. (In Russ.)

Weber A. W., Beukens R. R., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Saveliev N. A. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian. *Radiocarbon*. 2006, Vol. 48, pp. 127–166.

Weber A. W., McKenzie H. G., Beukens R. Radiocarbon Dating of Middle Holocene Culture History in Cis-Baikal. *Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways*. Philadelphia, University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010, pp. 27–49.

Weber A. W., Schulting R. J., Ramsey C. B., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Berdnikova N. E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*. 2016, Vol. 419, pp. 74–98.

Бердников Иван Михайлович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: yan-maiski@yandex.ru

Berdnikov Ivan Mikhailovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific Research Center “Baikal region”, Irkutsk State University; 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russia
e-mail: yan-maiski@yandex.ru